

НИНЕЛЬ
НУАР

ЦЕЛИТЕЛЬНИЦА
для
ГЕНЕРАЛА-
ДРАКОНА

Нинель Нуар

Целительница для генерала-дракона

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69857161

SelfPub; 2024

Аннотация

Меня выдернули из привычной, уютной избушки на краю леса и отправили в столицу – исцелять от проклятия королевского наместника, бывшего генерала, потерявшего дракона. Вообще-то я не ветеринар, чтобы драконов лечить! Я педиатр! Была... В прошлой жизни. А теперь у меня и здесь дел невпроворот. Спасти генерала, пробудить его дракона, а самое главное – не влюбиться самой! В тексте будут:– бабуля-попаданка в молодое тело- травмированный генерал-дракон (на всю голову)– интриги и тайны (куда без них)– противостояние и притяжение

Содержание

Пролог	4
Глава 1	6
Глава 2	17
Глава 3	29
Глава 4	40
Глава 5	52
Глава 6	63
Глава 7	74
Глава 8	86
Глава 9	98
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Нинель Нуар

Целительница для генерала-дракона

Пролог

– Верни моего дракона, ведьма! – орал незванный гость за дверью дурным голосом.

Толпа вооруженных мужчин у дома – дурная примета. А если они еще и сопровождают какого аристократа – точно жди беды.

Аристократ стоял тут же, на крыльце, вопил как потерпевший и дубасил в дверь пудовым кулаком.

Вот лучше бы я его тогда на болотах оставила, честное слово!

И ведь не отмахаться. Пусть меня в деревне называют ведьмой, сил у меня никаких нет. Ни магических, ни моральных уже не осталось.

– Не брала я вашего дракона, не брала! – рявкнула, распахивая рывком дверь и появляясь на пороге с метлой в руках.

Судя по тому, как отшатнулись элитные воины королевской гвардии, они решили, что это особо опасное новейшее оружие.

Тот, кому я уперлась носом в грудь, даже не дрогнул. Но тон сбавил.

– Знаю, что не брала. – подозрительно ласково заверил меня он. – Но поможешь вернуть.

– Послушайте, я не разбираюсь в зверушках, я целитель людей, понимаете? – вздохнув, попыталась я объяснить очевидное.

Неровные ряды стражников отчего-то ахнули.

Мужчина передо мной криво усмехнулся.

– Ничего, научишься. – отрезал он, разворачиваясь и спускаясь с двух поскрипывающих кривоватых ступенек. – Я в тебя верю. Собирайся, даю тебе полчаса.

– Издеваетесь? – взвыла я и от полноты чувств стукнула черенком метлы в пол.

Гвардия браво схватилась за оружие.

– Вольно. – не глядя, бросил в их сторону тот, кого я в свое время недальновидно спасла. И добавил уже мне: – Время пошло!

– Да чтоб вас всех!.. – буркнула я, но тихо, себе под нос.

За ругательства в адрес королевского наместника все-таки и люлей отхватить можно. А я простая деревенская ведьма, меня спасать никто не будет.

Что же делать-то, мамочки!

А ведь как хорошо все начиналось...

Ну, хотя бы неплохо.

Глава 1

Я сняла очки и осторожно промокнула салфеткой слезящиеся глаза.

Шутка ли, почти семьдесят лет. Еще хорошо, что отделяюсь легким покраснением и жжением, если перетрудиться. Само зрение еще ого-го, не то что у нашей медсестры Валечки. Ей всего тридцать, а в вену только наощупь и попадает.

Молодежь, что с нее взять!

Но я еще бодрячком, прием веду, с главврачом ругаюсь из-за древней, старше меня, аппаратуры, недавно его фифу с регистратуры так отчихвостила – любо-дорого. А нечего записывать людей вплотную! Эдак очередь на улицу хвостом выползет.

Контингент-то у меня шустрый, шепутной, ему пока в горлышко заглянешь, приходится и сказку рассказать, и с бубном станцевать. Мамашки же чаще всего не помогают, а только создают новые проблемы. Той прививку не ставь, этой анализы не бери, третья наоборот требует сразу ото всего вакцинировать – не по графику, а просто так, чтобы было.

Как изобрели этот интернет, так сразу начали все разбираться в медицине лучше врачей. И ладно бы тихо – нет, в массы несут, а я разгребай потом.

Вот и получается – прием положено вести пятнадцать минут, а на деле все полчаса выходит. В лучшем случае. В кори-

доре гам, дети орут, родители потом на меня ругаются, мол на пенсию идите, раз не успеваете.

А я виновата?

Разве что в том, что работаю тщательно, отрабатываю все варианты и не отмахиваюсь от жалоб малышей. Пропустишь не приведи стетоскоп какой симптом, потом себя же поедом съешь что не уследила, не доглядела, не догадалась.

У каждого из нас есть свое персональное кладбище, в дальнем краешке души.

Главное, чтобы там поселилось как можно меньше жильцов.

Повезло, в принципе. Оно у меня небольшое, компактное. Ну да я педиатр, а не хирург. У нас в основном пациенты бодренькие, только жить начинают. Всякое бывает, само собой...

Муж мой, Левон, там же. Не уберегла, обширный инфаркт в сорок три. Даже скорая доехать не успела.

Дочки наши тьфу-тьфу обе здоровенькие, внучки и внуки тоже радуют. Старшенькая недавно замуж вышла, с пузиком ходит. Я ее уже к себе приписала, буду лично правнучку наблюдать. Кто лучше родной крови за малышкой присмотрит?

Глаза пекло все сильнее.

Я полезла в нижний ящик за каплями. Ничего, осталось немного потерпеть, еще два человека в очереди и все. Опять из-за Леночки, той самой фифы главврача, приходится си-

деть до позднего вечера. У всех уже прием официально кончился, а коридор полон народу.

Если бы не постельные таланты, давно бы уволили дуру. Но что поделать – Сан Палыч мужик вдовый, относительно молодой, с потребностями. Вот и терпим все...

В дверь постучали – или это в висках так заколотило?

– Да-да, минуточку! – на всякий случай воскликнула я.

Точнее, попыталась воскликнуть. Губы не слушались, тело сползло с неудобного вращающегося кресла, неловко задев спиной колесико, но боли я почти не почувствовала. Что-то упало со стола с грохотом, однако на помощь никто не спешил.

Глупо-то как, умирать в поликлинике от инсульта!

Я снова открыла рот, пытаюсь позвать на помощь, но вырвался только приглушенный хрип. Вряд ли его кто-то услышал.

Сознание окончательно погрузилось во тьму.

Тьма оказалась вязкой, густой и на вкус отчего-то отдавала гнилью. Я хлебнула от души этой жижи, затрепыхалась и неожиданно...

Всплыла?!

Впрочем, вынырнула я ненадолго. Почти сразу же снова погрузилась с головой, но успела заметить прямо перед носом какую-то растительность. Глаза залепило грязью, стоило их приоткрыть и она тут же попала под веки, вышибая слезу. Легкие горели.

«Неужели болото?» – пришла в голову совершенно дикая мысль.

Я по топям бродила несколько раз с мужем – он был заядлым грибником, и это жуткое ощущение засасывающей бездны под ногами помню до сих пор. Сейчас точно такая же трясина неумолимо тянула вниз, к смерти. Чем больше я трепыхалась, тем глубже погружалась и с ужасом поняла, что вот-вот вдохну густую тину.

Какой нелепый конец... снова.

Разум не осознал еще, каким образом я вообще из собственного кабинета вдруг перенеслась на болота. Когда успела прийти в себя после инсульта до такой степени, чтобы разгуливать по лесам?

Мною владел инстинкт самосохранения, и вопреки советам разума – не биться, не делать резких движений – тело дергалось в судорожных попытках выбраться на поверхность.

Разумеется, безуспешных.

Что-то длинное и твердое ударило меня по плечу.

Я рванулась прочь, погрузившись еще глубже.

Змея?!

Нет, не шевелится больше.

Преодолевая сопротивление гуши, я подняла руку и ухватилась за... палку. Толстая ветка пребольно впилась выступами коры в ладонь, но меня это даже обрадовало.

Значит, все-таки жива!

Пока что.

Напрягая последние силы, я потянулась вверх, к свету и солнцу. Мерно, плавно, хотя все мое существо требовало поторопиться. Однако сейчас лишнее движение могло стоить мне жизни – кто знает, что это за деревце и чем оно цепляется за поверхность? Сорвется, обломится – и все. Конец.

Как только лицо оказалось над ряской, я распахнула рот, жадно ловя воздух и не обращая внимания на грязную воду бочага, заливавшуюся следом. На вкус омерзительно, зато дышу!

– Дура, куда поперла не глядя! – проскрипел старческий голос где-то за спиной. – А если б я мимо не проходила, так бы и сгнула! Держись крепче, болезная, вытащу сейчас.

– Спасибо... – прокашляла я и замерла, осознавая услышанное.

Странные звуки, сорвавшиеся с моих губ, сложились в голове в привычное слово. Но точно им не являлись! Незнакомый язык, чуть лающий, который я отчего-то прекрасно понимаю.

Теперь, когда мне не грозило немедленное удушение, мозг наконец-то заработал. Я вытерла тину с лица, чтобы оглядеться, и уставилась на собственную ладонь.

Совершенно чужую розовую узкую ладошку с длинными пальцами, красивой формы ногтями, под которые успела забиться грязь.

Молодую и крепкую ладошку.

Это не моя рука!

«И голос не мой, – дошло с опозданием. – Слишком юный. Детский даже».

Что вообще происходит?

Первой мыслью было – меня засунули в какую-то симуляцию реальности. Новейшую игру, эксперимент или что-то в этом духе.

Младший внук в подобной штуке целыми днями пропадал. Наденет гигантские очки, перчатки натянет и водит перед собой руками по воздуху, будто что-то щупает. Жутковато выглядит со стороны, но вроде за такое деньги платят, и немалые. Парень хвастался, что на турнирах даже выступал. Я себе все это смутно представляю, никогда не пробовала... но, может, меня решили туда запихнуть, не спрашивая? Или с согласия семьи? Ради спасения жизни, например? Кто знает, до чего уже дошли технологии. Я ими особо не интересуюсь, разве что в медицинском аспекте, а прогресс-то на месте не стоит!

Трясина с противным чавканьем неохотно выпустила меня из своих недр. Под руками и торсом ощущалась длинная остролистная трава, похожая на осоку. Над головой мерно жужжали комары, мокрую и грязную спину припекало солнце.

Все ощущалось слишком настоящим.

– Вставай, не разлеживайся, заболеешь еще. Родители твои где? В деревне? – бормотала надо мной незнакомка. –

Пойдем, отведу тебя, горемычную.

Я с усилием перевернулась на спину и чуть не вскрикнула.

Именно такими в сказках всегда живописали ведьм. Старая, сторбленная, морщинистая, с длинными седыми волосами – на удивление чистыми, учитывая прочий антураж. Да и одежда, пусть ношенная, явно тщательно выстирана, а прорехи защиты.

– Нет, не в деревне, – медленно, вслушиваясь в звучание собственной речи, произнесла я. – Точнее, не знаю. Не помню.

Помотала головой, надеясь, что это поможет прийти в себя и очнуться на больничной койке.

Ну правда, шутка затянулась. Если я в игре, тут должны появляться подсказки, что ли.

На пробу сорвала ближайший листик. Где там бездонный мешок, в который попадает собранное добро? Внук говорил, такой у всех игроков есть. С ячейками.

Ни мешка, ни ячеек, ни подсказок.

Зато острый край осоки порезал сразу два пальца, что резко и бурно закровили. Тонкая у меня теперь кожа, нежная, явно не деревенской девочки.

Боль от царапин окончательно убедила меня в том, что я ни в какой не в игре. Все происходящее реальнее некуда. У меня теперь новое тело – вот это, тщедушное и деликатное.

Прошлой меня больше нет.

Асманур Георгиевна умерла на полу кабинета в возрасте

шестидесяти восьми лет.

И вместо того света мою душу отчего-то забросило сюда, в гибнущего на болотах ребенка. Сколько мне теперь – семь, девять? По рукам не понять, но точно еще не подросток.

Спрашивается, и что мне теперь делать?

Для начала я поднялась. Ноги-руки функционировали нормально, хоть и дрожали после пережитого.

Старуха наблюдала за моей разминкой настороженно.

– Откуда ты тогда, если не из деревни? – с подозрением уточнила она.

– Не знаю, – честно ответила, пошарив в памяти. От предыдущей хозяйки тела мне, к сожалению, не перепало ничего, кроме знания языка. Ни малейшего проблеска – откуда взялась, как попала на болота... полная неизвестность.

– Головой ударилась, то ли дурной воды наглоталась, – сделала неожиданный вывод спасительница. – Ну пойдем, согреешься хоть и переоденешься. От меня с одной рубахи не убудет. Кстати, меня Лунисия кличут. Можешь звать баба Люна. Меня тут так все зовут.

И она побрела по едва заметно выступающей полосе земли, проверяя перед собой дорогу той самой рогатиной, которой недавно вытащила меня из болота. Я двинулась за ней, шипя сквозь зубы, когда босая нога наступала на очередную колючку.

Действительно, что я забыла в топях в одной ночнушке? Да еще и без обуви!

Точно не из ближайшей деревни пришла. Ручки-ножки нежные, холеные, мне и разглядывать не нужно, чтобы это понять. На своей шкурке ощущаю. Каждый пролетающий комар цапнуть норовит, до того кожа тонкая. Ветер продувает, опять же. Судя по желто-алым листьям, стояла ранняя, но довольно прохладная осень, и в мокрой тонкой тряпочке было, мягко говоря, неуютно.

Пока добрались до твердой земли, я была не только грязная, но и покусанная, исцарапанная, и злая на весь этот чудесный новый мир.

Хоть бы тапочки какие, честное слово!

– За этой рощицей мой дом. Потерпи маленько, – ободрила Люна, мельком оглянувшись и оценив мои мучения.

До крыльца я добралась, стиснув зубы и на чистой силе воли. Тощие ножульки подгибались, явно не привыкшие к подобным нагрузкам. Мало того, что в стопу норовила воткнуться каждая вторая колючка, так еще и почва вязкая, влажная. Не болото уже, но очень близко к тому. Пока одну ступню выдернешь, вторую по щиколотку засасывает.

Так что жилище сказочной ведьмы я оценила мельком. Не слишком обветшалое и ладно. Стоило переступить порог, как я просто осела на пол, чувствуя как с меня на гладкие светлые доски стекает грязь.

– Сейчас, сейчас. Парильню топить некогда, так обольешься, водичка вот от чая горячая осталась, разбавим и хватит, – бормотала себе под нос бабка, довольно бодро пе-

ремещаая по небольшому помещению.

Домик состоял из одной комнаты – она же кухня, гостиная и спальня, отгороженная от основного помещения цветастой тонкой занавесочкой.

– Держи!

В моих руках оказалось увесистое ведро с водой, от которой курился парок. От неожиданности я чуть его не уронила, но вовремя спохватилась и аккуратно поставила, подальше от себя. Не хватало еще, чтобы туда с меня что-то накапало!

Люна – назвать ее «бабой» у меня не поворачивался язык даже мысленно, ведь она, судя по всему моя, ровесница (той, прежней меня) – проводила меня вокруг дома в небольшую деревянную пристройку. Она располагалась точно позади очага, который я видела на кухне, так что понятно, почему в ней было тоже довольно тепло. Толстые каменные стенки кладки отдавали жар неохотно, и я подобралась с ведром поближе. Продрогла до самых тоненьких косточек!

Неясно только, отчего обязательно нужно было эту пристройку делать отдельно – представляю, какое удовольствие бегать купаться в мороз!

– Становись сюда, в корыто! – деловито принялась командовать Люна. – Болотная жижа она питательная, на огород хорошо ляжет, так что смывай аккуратно, не разбрызгивай.

– Хорошо, – проклацала зубами я. И видя, что бабка не собирается даже отворачиваться, добавила: – Я сама, спасибо.

Гостеприимная хозяйка покосилась на меня, на ведро, пожала плечами, бросила в него небольшой разохшийся черпачок и, бурча что-то недовольное под нос, удалилась.

Я с облегчением стянула пропитавшуюся невесть чем рубашку. Под руками влажно скользил шелк, горловина украшена кружевом, на подоле тонкая вышивка и полоса узора. Платье в стиле бохо, а не ночнушка! Впрочем, учитывая что от былой роскоши остались одни лоскуты, лучше от нее избавиться.

Что бы ни загнало девчонку на болото, мне бы не хотелось, чтобы оно меня в итоге нашло. А с такими уликами оно запросто!

Решительно скомкав тряпочку и выжав ее под черпаком, я принялась аккуратно, как было приказано, стирать подсохшую почти черную тину.

Заодно наконец-то разглядела себя – и обомлела.

Глава 2

Теперь, когда ни ночнушка, ни грязь меня больше не прикрывали, стали заметны странные узоры на боку.

Сначала я решила, что у девочки, чье тело я заняла, такая замысловатая тату – мало ли, что у них здесь принято. Тонкие светло-голубые линии разветвлялись, складываясь в характерный узор, напоминающий фигуры Лихтенберга*.

Ребенок попал под молнию, потом оказался на болоте? Погода-то пока мы шли была отличная, на небе ни облачка. Что-то не складывается.

Замысловатые извилины нестерпимо чесались. Раньше думала, что виновата тина, и не обращала внимания, сейчас же осторожно прошлась ногтями, стремясь облегчить зуд. Не получилось бы, как с укусами комаров – поскребешь и станет хуже.

Вспухать подкожные нити не спешили, но и не успокаивались.

Меня еще настораживал подозрительный цвет узора. Синеватый, будто венки просвечивают, а не лопнувшие капилляры. Может у нее – у меня – такой дефект внешности, ничего особенного?

– Долго ты там? Али уснула? – Люна постучала по двери, причем так громко, что я чуть ковшик не выронила.

Точно, домываться и вылезать надо. Мало мне подкожных

рисунков, так еще и все тело мурашками покрылось от холода. Несмотря на близость печи, насладиться купанием не получалось. Мешали сквозняки.

Да и какое удовольствие, когда не понимаешь, кто ты и где?

Натянув чужую сорочку, я выскочила во двор и быстрее Люны метнулась в избу – греться. Около очага, на грубо сделанном столе уже стояла кружка с подогретым молоком, прикрытая сверху куском не слишком свежего хлеба. Впрочем, он оказался черств, а не тухл, так что был съеден без особых сомнений.

Плечи укутал погрызенный молью, но все еще пушистый шерстяной платок, и жизнь окончательно наладилась.

Бабка наблюдала за мной, подперев голову рукой, как за любимой внучкой.

– Ну, болезная, вспомнила что? – поинтересовалась она, когда я облизала молочные усы и сыто вздохнула.

Не думала, что способна так наесться одной горбушкой!

– Не очень-то, – честно ответила я.

– Зовут как, хоть знаешь?

– Ася! – не задумываясь, привычно выпалила и осеклась.

Это мне привычно, а девочку-то как звали?

Внутри ничто не встрепенулось и не отозвалось. Полная тишина.

Пожалуй, пора смириться с тем, что под сказки мне не положены. Здоровье с молодостью выдали, а дальше сама, как

хочешь.

– Уже хорошо, так глядишь, и остальное упомнишь! – искренне обрадовалась старуха и поднялась. – А то и придет за тобой кто.

Вот тут изнутри поднялась такая волна страха, что мне пришлось вцепиться пальцами в стол, чтобы под него не сползти. Какой-то неистовый первобытный ужас захлестывал, требуя бежать и скрываться.

От кого? Зачем?

Непонятно.

Как и неизвестно, куда.

Где я буду в безопасности?

В большей безопасности, чем сейчас, в глухомани, посреди болота?

С трудом преодолевая дурман паники, заново огляделась, попристальнее. На свисавшие отовсюду на ниточках пучки трав и связки ягод я поначалу не обратила внимания, а зря.

Интересно, такие украшения везде приняты, или же моя спасительница-травница?

– Можно, я вам помогать буду? – вырвалось у меня.

Много позже я поняла, что первый спонтанный порыв был самым верным.

Избушка стоит на отшибе, вокруг топи. Нужно изучить каждую кочку как следует, чтобы если что скрыться.

Если что, Ась? Ты даже не знаешь, кто тебе угрожает. И почему.

Но бьющей в виски неистовой потребности спрятаться логика пересилить не могла.

Люна посмотрела на меня скептически, пожевала губами, что-то про себя прикидывая.

– В травах понимаешь?

– Да... наверное, – запоздало спохватилась, что природа в разных мирах вполне может отличаться.

Мало ли, обычный одуванчик здесь станет ядовитым, кто знает! Нет, такой ответственности я на себя не возьму. Лучше заново все изучу.

Народной медициной я заинтересовалась на склоне лет. Информации в интернете по любому поводу – ложкой ешь. Это молодёжь там только хиханьки да голые тела рассматривает, а если с умом, то пользы от сети много. Благо зрение позволяло в транспорте читать с экрана. Не сидеть же, тупо уставившись на соседа напротив!

Похоже, тут мое увлечение может пригодиться.

– Ну, раз интересуешься, почему нет, – решила наконец Люна. – Помощница мне не мешает. Спина уже не та, нагибаться за каждым цветочком.

Так я обзавелась работой и жильем.

К вечеру я уже неплохо представляла, куда меня занесло.

Отдаленное село Потрясье. Деревня без особых благ цивилизации, она во всех мирах примерно одинаковая. Три дюжины дворов, хозяйства не то чтобы зажиточные, но и не голодают. Поля обрабатываются совместно, есть личные са-

ды-огороды.

До ближайшего крупного поселения – полдня на телеге.

Кроме гужевого, само собой, никакого иного транспорта не предусматривалось.

С превеликим трудом мне удалось убедить бабушку в том, чтобы она представляла меня всем как свою дальнюю родственницу.

– Нет у меня родни, не осталось никого! – отмахивалась она.

– А что скажете, на болоте нашли? – возмущалась я в ответ, активно размахивая опустевшей кружкой.

– Хоть бы и нашла, что с того? – искренне недоумевала Люна.

Я не могла внятно объяснить, почему мне так важно влиться в среду, чтобы появилось легальное обоснование моего пребывания в домике. Не выгонят – и ладно... но подсознательно чуяла, что чужачка вызовет вопросы в селе. Здесь мало развлечений, мое появление всколыхнет общественность, а уж если прознают, что я появилась как из воздуха прямо посреди топи, – точно жди беды.

Либо обвинят в чем, либо просто сплетничать начнут.

Деревня стоит особняком, но не полностью изолирована от остального мира. В соседний город селяне выбирают, молва пойдет о пришлой чужачке и мало ли до кого доберется!

Я же не знаю, отчего скрываюсь.

А вдруг от закона?

В прежние времена и не таких мелких заставляли, скажем, воровать. Или что похуже.

Не знаю, подействовало мое упрямство или сквозившее в глазах отчаяние, но Люна сжалилась и назначила меня внучатой племянницей.

– Сестра у меня была в городе, пусть ее душа покоится с миром, – сдалась она наконец. – Будешь ее внучкой. Детей у нее не было, но деревенские о том не ведают. Они вообще от меня стараются держаться подальше. Только и приходят, если им что-то позарез нужно.

Будто в ответ на ее слова в дверь постучали.

Я бы даже сказала, неуверенно поскреблись.

Люна закатила глаза, что в ее исполнении смотрелось жутковато.

– Ну вот, начинается, – пробормотала она и пошаркала открывать.

Я спешно закуталась плотнее в платок, понимая, что вид у меня так себе. На Люне и платье, и рубашка из-под него просвечивает, и сверху что-то намотано – то ли пояс от радикалита, то ли корсет теплый. По сравнению с ней я выгляжу откровенно непристойно. Хорошо, от входа не видно. Авось обойдется!

– Глаз болит, сил нет! – донесся с крыльца мужской сиплый голос. – Проснулся сегодня, открыть не могу. Думал само пройдет, а оно, зараза, все хуже и хуже. Есть что прило-

жить?

– Да как всегда, плюну, все и пройдет! – прокряхтела Люна. – Наклонись-ка, милоч, а то стара я, сама не дотянусь!

Тут я вылетела к дверям, забыв про все стеснение.

– С ума сошли, инфекцию провоцировать! Я вам плюну! – включила я сходу режим ворчливого педиатра... и осеклась.

Потому что тоненьким детским голосочком тирада прозвучала смешно.

На меня уставились две пары глаз. Бабка – с интересом, незнакомый мужик в серовой рубаше и безрукавке мехом внутрь – с недоумением. Мол, что эта сопля тут выступает?

– Мамка мне всегда в таких случаях теплым отваром ромашки глаз промывала, – после напряженной паузы я сбавила напор. Сама же не хотела выделяться – вот и не выскакивай как оглашенная! – А ежели плюнуть, так мало ли что еще попадет. Вдруг хуже станет?

Наклонившийся было мужик отшатнулся, с опасением косясь на Люну.

– Ты это... не надо плевать! – решительно заявил он, почесывая воспаленное веко.

Так и есть, ячмень обыкновенный. Не слишком запущенный, но судя по неопрятному виду селянина, там и до сепсиса недалеко. Антибиотиков бы, но что-то мне подсказывало, что в эдакой глуши их не найти. Если вообще пенициллин уже изобрели!

– Давай лучше отвар или что там еще. Девка дело говорит!

– Ромашка есть? – деловито поинтересовалась я у травницы. — Соцветия, можно сушеные.

Та кивнула и с неожиданной силой оттащила меня обратно на кухню.

– Ты чего это? Пациентов мне распугаешь! – возмутилась она скрипучим шепотом. – Какой отвар, зачем? Испокон веков от хорошего плевка ячмень обижался и уходил!

Я с трудом сдержала подцепленный у внучки жест, условно обозначаемый «рука-лицо».

Обижается, видите ли, воспаление! Чего только не придумают...

– Чем у вас тут застарелую простуду лечат? – уточнила вместо оправданий. – Когда кашель долго не проходит и начинается жечь на вдохе. Жар, бред, всякое такое...

– Так известное дело – молочком горячим, да сбором грудным. Только не всегда помогает. Когда уже жар и бред, там и попроситься можно с бедолагой! – со знанием дела покачала головой Люна.

– А в сборе что? – тоскливо уточнила я, отчетливо понимая – нет, не доехали сюда антибиотики.

Травница пожалала плечами и принялась перечислять, загибая пальцы:

– Чабрец, зверобой, корень девясила, сосновые почки...

Я задумчиво кивала в такт. В принципе, не худший состав, вполне достойно для народного средства. Да и названия

знакомые – уже хорошо, не придется сильно переучиваться. Главное, чтобы и свойства совпадали, тогда вообще шоколадно получится.

– Вот этот сбор ему тоже дайте. И меду чтоб намешал, – посоветовала я вполголоса. И подумав, добавила: – Употреблять внутрь, конечно же, в глаз лить не надо! Хуже не будет, а инфекцию предотвратит...

Осеклась, осознав, что Люна смотрит на меня вытаращенными глазами, как на призрака.

– Ты откуда такая ученая? – спросила бабка, опасливо оглянувшись на мявшегося в дверях селянина. – Мне неприятности ни к чему, так и знай! Ежели искать тебя будут или сбежала ты от кого...

На лице травницы явственно проступало намерение выкинуть меня из домика от греха подальше.

– Да не сбежала я! – замахала руками от избытка чувств.

– Говорила же что не помнишь! – подловила меня на нестыковке Люна.

Я досадливо прикусила губу. Расставаться с таким удачным убежищем категорически не хотелось. Но и силой захватывать избушку как-то неправильно! Да и какие в этом тщедушном тельце силы...

Точно, я же ребенок теперь!

Состроив самую несчастную мордашку, какую только сумела без зеркала, я воззрилась на травницу взглядом кота из мультфильма.

Внучки тот сериал обожали и пересмотрели раз по десять, ну и я заодно после смены одним глазом. Вот и пригодилось!

– Тут помню, тут не помню, бабушка! – пропела я умильно. – Имя вот всплыло, да травки знакомые углядела – как сверкнуло в голове. Знаю я их, ведаю. А почему, откуда – как в тумане все.

Люна покачала головой и, ухватив за плечи, усадила меня обратно на лавку.

– Сиди уж тут, болезная. Неча перед чужим мужиком в исподнем бегать, хоть ты и дитя, а люди они разные бывают, – пожурила она.

Я покаянно потупилась. Права она, но что поделать, когда при мне кто-то пытается заняться самолечением – прям крышу срывает, как внук выражается.

При мысли об оставшихся где-то там, в ином мире, родных, на глаза навернулись слезы.

Получается, я их больше никогда не увижу. И правнучку на руках не подержу! Обидно-то как, Любе всего недели две оставалось отходить...

– Ну, не обижайся, я ж понимаю, ты как лучше хотела, – бабка неловко погладила меня по голове, и я осознала, что по щекам стекают влажные дорожки. Шмыгнула носом, пошарила по столу в поисках салфетки – разумеется, не нашла – и зарыдала еще горше.

Прощай, семья, прощай, цивилизация!

Новое тело, новая жизнь, молодость (детство даже), здо-

ровье... это прекрасно, конечно, но столь щедрый дар судьбы мозгу нужно было осознать и переварить. Получалось так себе. Меня швыряло от отчаяния – деточки мои, как там без меня справятся – до истеричного веселья: вот вам сейчас изобрету клизму, будете знать!

Кто именно будет знать – понятия не имею. Наверное, тот, кто оставил на детском теле жутковатый след как от разряда молнии. Судя по непрекращающемуся зуду, вряд ли бедняжка с этой отметкой родилась. Свеженькое оно.

И права Люна – я, скорее всего, скрываюсь. Не просто так домашняя нежная девочка в трясину полезла.

Только эгоизм во мне в данный момент перевешивал благородство.

Допустим, я решу не подставлять травницу под неведомые неприятности, и уйду. Куда? Далеко ли? Сгину в ближайшей канаве, и третий шанс вселенная мне вряд ли предоставит.

Нет уж. Затаиться надо и визнавать потихоньку сведения о большом мире по ту сторону топей. Авось выясню, кому малышка помешала, прежде чем они меня найдут!

*Фигуры Лихтенберга – следы, которые остаются на поверхности твердого диэлектрика (в том числе человеческого тела) при скользящем искровом разряде. Проще говоря, после попадания молнии.

Глава 3

Сбор у Люны был уже заготовлен целым мешком и лежал в подполе, люк в который открывался прямо тут, на кухне. Покряхтев, травница откинула тяжелую крышку и спустилась на ощупь, приговаривая себе под нос:

– Ходют тут, болеют, посидеть спокойно старухе не дают!

Я не удержалась и вытянула шею, разглядывая ровные полки, вбитые прямо в землю. Из стен там и тут торчали извилистые корни, но пол вроде был сухой, несмотря на близость болота. Занятно. Как, интересно, достигается подобный эффект? Не бегают же бабка с помпой вокруг избушки. И каналов для оттока воды я не видела. Может, не заметила? Или тут что-то подземное сооружено? Только не вяжется как-то одежда травницы с высокими технологиями.

Отсыпав в небольшой матерчатый мешочек горсти две, Люна поднялась обратно, постанывая на каждой ступеньке. То ли на публику играла, то ли правда уже тяжеленько скакать козой. Я тоже в последние годы невзлюбила лестницы, но мне от них никуда не деться – два пролета дома, до лифта, да в поликлинике пока на спуск дождешься, поседеть можно. Вот и разминалась как могла.

Но это в цивилизации, с поддерживающими витаминами, регулярными массажами у хорошего физиотерапевта и на правильном питании...

Хотя здесь, наверное, питание еще правильнее. Куда еще – без пестицидов и ГМО.

С червяками, подгнившее от неправильного хранения, и не слишком разнообразное, потому что вряд ли в эту деревню бананы с киви завозят...

Эх.

Меня бросало из крайности в крайность: то вспоминалось былое, причем в ореоле идеализации, то я принималась искать позитив в нынешнем своем положении.

«Поспать бы», – поняла неожиданно. Глаза закрывались сами. После трех порций молока, суховатого хлеба и теплого платка на плечах меня разморило, а некая уверенность в завтрашнем дне и том, что меня не выкинут на улицу прямо сейчас, расслабила окончательно. Я едва дождалась, пока за снабженным целебными средствами мужиком закроется дверь, и сползла на лавку, подложив под щеку руку.

– Куда примостилась? В постель иди!

Люна потормошила меня и указала на тонкую ситцевую занавеску в голубовато-зеленый цветочек, которой «спальная зона» отгораживалась от основной.

«О, принты у них уже изобрели, значит, период мануфактур как минимум», – отметила я краем сознания. Не смутило ни чужое белье, ни пахнувшая лавандой и валерианой, а еще немного привычной старостью подушка. Разум просто милосердно выключился, позволяя мне переварить происходящее.

Проснулась я от того, что под окном заорал петух.

Подобных побудок у меня не приключалось уже лет пятьдесят, не меньше.

От неожиданности я подскочила и чуть не скатилась с непривычно мягкой перины. Вчера мне было ни до чего, но сейчас я сумела разглядеть и качественную ткань белья, пусть и застиранную до прозрачности, и добротную основу кровати.

– Живность сумеешь обиходить? – сонно поинтересовалась Люна с другой стороны одеяла.

– Постараюсь! – уклончиво отозвалась я.

В самом деле, если там что-то экзотическое, лучше и руками не трогать – мало ли, укусит. А если привычные куры, так что я там не видела? Меня, как и миллионы моих сверстниц, на все лето отправляли к бабушке в деревню, так что навозом и клювами нас не напугать!

У выхода помешкала, но в итоге сунула ноги в чужие разношенные полусапожки. Скользящая их внутренность неприятно холодила ступни, но босиком уже набегалась, спасибо, хватит.

Надо бы попросить у Люны нормальную одежду. Носки там какие и исподнее. Но не с утра же ее тормозить! Ладно, так пока справлюсь.

Первый шаг в морозное утро вышиб из меня львиную долю уверенности в собственных силах.

Птичник я нашла по звукам. Голодные куры – самые

обыкновенные, пестренькие и довольно упитанные, а еще молчаливо нахохлившиеся утки, штук шесть, сбившиеся в плотную тучку в углу, и неожиданно – коза, привязанная к столбику в противоположном конце сарая. По свободному участку пола на середине гордо расхаживал исполняющий обязанности будильника петух, потряхивая вялым гребнем.

– Ну, здоровычка вам всем, – растерянно пробормотала я вслух, оглядываясь. – И чем вас кормить, спрашивается?

Пришлось возвращаться в дом. Так и есть: в прихожей, у самой двери стоял ларь с зерном. Логично – и животным запросто не добраться, и самой хозяйке этого зоопарка далеко не бегать.

Следующей задачей стал поиск воды.

Люна расслабленно похрапывала и проводить мне экскурсию по дому и прилежащим окрестностям не собиралась, так что я без зазрения совести устроила ее себе сама. Раковины на кухне не было, потому я продолжила обыск во дворе, и там он увенчался успехом.

Колонка напоминала те, что стояли в бабушкиной деревне на каждом перекрестке, и я без особых раздумий нажала на рычаг.

И только когда в подставленное ведро, найденное рядом с ларем ранее, полилась чистейшая, ледяная даже на вид вода, я задумалась.

Откуда в этой болотистой местности, средневековой на вид, канализация? Или труба ведет к подземному источни-

ку? Тогда как его умудрились очистить? Фильтры? В этой глуши?

Картинка в моей голове то складывалась, то снова разваливалась. Вопросы к гостеприимной хозяйке множились. Хорошо, что я сразу сослалась на потерю памяти. Могу спрашивать что угодно, не вызывая подозрений – не помню, и все.

Ополоснув металлическую бадейку, я набрала ее снова по края, вылила в лохань в птичнике, после чего облегчила страдания козы, подоив ее в то же ведро.

Пальцы все вспомнили сами, хоть вымя, которое мне доверяли в детстве, было коровьим, принцип тот же все равно. Разве что клиентка мельче и вреднее. То и дело переступала задними ногами, норовя опрокинуть тару, за что огребла между рогов и слегка присмирела.

К тому моменту, как я совершенно продрогшая вернулась в дом, Люна успела встать, растопить заново очаг и поставить в него что-то в котелке томиться.

– Птице зерно цельным дала? – небрежно спросила травница, принимаясь бодро месить тесто. И не скажешь, что вчера от трех ступенек кряхтела.

– Нет, перемолола чуток. – В птичнике у входа стоял высокий, надежно закрывающийся шкафчик, где нашлись и ступка, и пестик, и вилы с метелкой для уборки. – Морковки добавила несколько штук, и козе тоже. Сена с чердака спустила, старое закончилось. Навоз выгребла, свежие опилки на-

сыпала.

– Ты там не размахивайся! – погрозила мне Люна испачканным в муке пальцем. – Опилочек мало, плотник почти не болеет, так что поменьше сыпь. Перебьются, не хрустальные.

Так. Хрусталь здесь есть. Неплохо. Не глухое средневековье, значит.

– Сейчас опару поставлю, пойдем тебе одежду подберем. – Люна неопределенно кивнула куда-то вверх. – Замерзнешь, заболеешь, лечи тебя потом.

– Спасибо! – искренне поблагодарила я, подсаживаясь ближе к очагу. Уже успела заметить, что за ворчливостью травница прячет искреннюю заботу и преданность своему делу. – А откуда у вас вода? Чистая такая, мы же на болоте!

– Это мне прежний староста артефакт поставил, – довольно заулыбалась Люна. – Ох, и благодарен он был, что я ему мужские проблемы вылечила! Штука-то дорогая, из города вез, две всего купил. Одну у себя поставил во дворе, вторую мне вот! Зато никакая хворь или грязь не проберется.

– Фильтр, что ли? – растерянно пробормотала я, пытаюсь уложить в сознании новую реальность.

– А почему мне знать, как оно называется? – отмахнулась травница. – Работает и ладно. Главное, слишком часто воду не гоняй, а то магия выдыхается.

– Магия? – просипела я, тихо радуясь что сижу. А то бы ноги от таких новостей точно подкосились.

Оставалась еще слабая надежда, что бабка от необразо-

ванности окрестила «магией» какую-нибудь продвинутую технологию.

– Ну да, – кивнула Люна, тщательно вытирая руки о чистую тряпицу. – У нас тут рядом маглиний не проходит, только ближе к городу, но что-то через болота дотягивается. Говорят, в сердце топи небольшой источник есть, но место там гиблое, приезжие не суются, а своим без надобности. Что надо, помаленьку и так зарядится.

Я помассировала ноющие виски. Чувство было, что голова сейчас взорвется, и вместе с этим отсутствовало ощущение фальши или лжи. Травница искренне верила в то, что говорила, и тело девочки, ныне мое, тоже.

Здесь есть магия. И неведомые маглинии, от которых заряжаются приборы. То есть, простите, артефакты.

Что-то мне нехорошо.

Но страдать долго не позволили. Ухватили за руку и потащили в сторону занятой конструкции – складной винтовой лестницы. Ступеньки, прикрепленные к стене шарнирами, маскировались под деревянные панно с выжженными абстрактными узорами. Девять штук откидывались одна над другой и вели к неприметной дверке-антресоли, открывавшейся на просторный, почти потайной чердак.

Удобно.

Ошарашенная новостями, я не сопротивлялась и позволила себя затащить наверх.

Там у травницы тоже обнаружился целый склад всевоз-

можной всячины. В одном месте покатая крыша резко обрывалась – за тонкой стенкой располагался второй этаж птичника, с сеном и опилками. По эту сторону же лежали грубо сколоченные ящики с яблоками, переложенными соломой, картошка мешками, а под потолком на тонких бечевках, напминавших гигантскую паутину, свисали пучками травы. Запах стоял как на лугу. Правда, все перебивала лаванда, но это потому что ее действительно было очень много.

– Зимой хозяйки придут, от моли спасаться. Сами тоже пытаются заготовить лавандулу, но как сушить правильно, чтоб дух стоял и насекомые бежали, не знают, – гордо заявила Люна, перехватив мой взгляд. – А тута у меня грибочки досыхают.

Она повела рукой вдоль узенького окошка. Приоткрытая ставня пропускала воздух, а на металлических полосах под ней неровными рядочками лежали грибы. Каких тут только не было! И маслята, и подосиновики, и лисички, и рыжики.

Стало ясно, что дряхлость и немощность свою Люна сильно преувеличила.

Пожалуй, она еще и меня в этом теле переживет.

Если в состоянии столько нагибаться, приседать и вообще бродить по лесам, точно на здоровье не жалуетя! Я грибные охоты обожала, но уже лет десять не рисковала отправляться в походы. Мало ли, нога где подвернется, сердце прихватит, выноси меня потом из чащи...

– Выбирай!

Пока я любовалась грибным великолепием, травница отыскала нужные лари и распахнула их. В одном, плотно свернутые и переложенные неизменными мешочками с лавандой, лежали платья и рубашки. В другом – рулоны тканей, самого разного качества. Ситец с цветочной набивкой соседствовал с щедро расшитой парчой изысканного темно-бордового оттенка, рядом лежали меховые шкурки неизвестного, но очень пушистого мелкого зверька вроде шиншиллы.

Третий сундук, поменьше, содержал всего несколько пар обуви. В отличие от одежды, тут Люне похвастаться было особо нечем. Я выбрала полусапожки, почти как те, в которых самоуправно шастала все утро. Удобные, не жмут, и носок теплый поместится.

– Сапоги тоже бери, – протянула мне травница высоченные ботфорты, почти как у мушкетеров, с собранными гармошкой голенищами. – Нам с тобой по болотам бродить, пригодятся.

Упорствовать я не стала. Взяла и сапоги, и полдюжины нижних рубашек, и десяток симпатичных панталончиков – судя по заломам на ткани, их вообще никогда не носили, а если и да, когда-то давно, так все равно постираю. Впрочем, отрез тоненького белого ситца без всяких цветочков я тоже взяла. Нашью себе нового белья, чтобы не думать лишний раз и не мучиться брезгливостью.

Как любая моя ровесница, я примерно представляла, ка-

кой стороной держать иголку. Уроки труда в школе, плюс постоянные подшивы старых платьев на подрастающих дочек во времена дефицита – тут кто угодно научится. Швеей меня бы на фабрику не взяли, конечно, но стежки получались обычно довольно ровные.

Облачатся я начала прямо там. Ноги успели порядком замерзнуть, и радостно ощетинились сотней внутренних иглолочек, как только я натянула на них высокие вязаные носочки. Аж по колено!

Какое облегчение!

Теплое шерстяное платье невнятно-бурого цвета мне было слегка великовато, но плотный корсет решил вопрос. Он надевался здесь поверх одежды, и зря я приняла его за пояс из собачьей шерсти. То есть из чьей шерсти оно было свалено – неизвестно, но точно не в качестве лекарства от радикулита, а именно как эстетическая деталь туалета, акцентирующая талию и скрадывающая недостатки кроя.

– На вот, космы подберешь. – Люна протянула мне несколько компактных мотков, в которых я с ностальгией узнала ленты. В моем детстве были такие же, но не атласные как эти, а капроновые. Завязывались пышными бантиками, особенно тщательно – в школу на первое сентября.

Сама я давно носила довольно короткую стрижку, чтобы не мучиться с постоянно редеющей шевелюрой. А у этого тела имелись отличные густые волосы до лопаток, только почему-то неровные. Словно кто-то отпилит пряди, не глядя.

Наше любованье ткаными сокровищами прервал оглушительный стук в дверь.

Мы с Люной переглянулись.

– Привыкай, девка. Тут так каждый день! – вздохнула травница и поспешила вниз по ступенькам, голося на пределе сил:

– Иду я уже, иду! Что, пожар?

– Малинка рожает! – донеслось приглушенно с крыльца густым басом.

Нас вынесло за двери прежде, чем я сформулировала вопрос, потому задавать его пришлось на бегу:

– А кто эта Малинка? Жена его?

Люна, несмотря на одышку, расхохоталась в голос.

– Ты главное при старосте этого не ляпни! – отсмеявшись, вполголоса посоветовала она. – Малинка – его любимая... кобыла!

Я сглотнула и перехватила поудобнее корзину со снадобьями.

Вот как-то не готовил меня мединститут к такому...

Глава 4

До деревни бежать пришлось не слишком долго.

Я-то думала, травница живет на отшибе, а оказалось всего лишь полупрозрачная березовая роща да заросли боярышника отделили ее домик от остального села. Но тропинка, по которой мы шли, с трудом угадывалась в густой осоке. Редко ходят по ней, вот и заросла. Ну да, если раз в день и по одному человеку...

Поселок выглядел мило и самобытно. Почти привычные бревенчатые срубы, каких до сих пор в отдаленных селах полно, завершали покатые крыши, выстланные пушистым камышом. Сизо-серые неровные «шерстинки» придавали деревне некоей волшебной атмосферы. Казалось, вот сейчас из дверей – пусть и не круглых – выйдут мохноногие низкорослики, а за ними маг с трубкой и длинной седой бородой.

Но нет.

Максимум, что меня ждало сегодня мохноногого, это лежащая на соломенной подстилке лошадка. Не слишком крупная, скорее ближе к пони. Густая зимняя шерсть потемнела пятнами от пота, кобыла тяжело дышала и уже не ржала, а только сипела периодически.

Мне пришли на ум собственные мучения, и я от души пожалела бедолагу.

Травница же, не тратя время на эмоции, бухнулась на ко-

лени рядом с оттопыренным хвостом и деловито принялась ощупывать выпирающее пузо.

– Давно она так? – отрывисто спросила Люна.

Забег по тропинке дался ей нелегко, пожилая женщина с трудом переводила дыхание, но сразу же включилась в работу.

– Почитай с прошлого вечера. – Староста, имя которого я не успела выяснить, неловко почесал макушку. – Я ее устроил и спать пошел, а утром прихожу, она еще не того.

– Не того! – передразнила его старуха. – Сам ты того! Кто ж роженицу одну оставляет?

– Ну дык кобыла-то молодая, здоровая. Одного уже родила, чего ей... – забормотал мужик.

– Жене своей такое скажи! – фыркнула Люна и, что-то про себя прикинув, нырнула рукой... туда.

Меня передернуло. В гинекологи я никогда не стремилась, рождение детей вспоминалось с ужасом и неверием – неужто решилась, и не раз? А тут еще и животное, не человек, анатомия другая, не говоря уже о том, что взбрыкнуть может ненароком и поминай как звали!

Только Малинка и не думала брыкаться. Глаза прикрыла и дышала часто-часто, не шевелясь почти. Понимала, наверное, что ей помочь пытаются.

– Масло дай, – скомандовала Люна и не глядя протянула назад руку.

Я наконец опомнилась, поставила корзину на пол и отки-

нула тряпичную салфетку. Внутри аккуратно, переложенные соломой, лежали пузырьки, чистые полосы ткани, кусочки чего-то малоаппетитного и – неожиданно – яблоко.

Подписано ничего не было, так что масло я выбирала на глазок. Где потеки и характерная густота во флакончике.

– Ну же! – поторопила меня травница, протягивая уже две руки, одна из которых была перемазана кровью и прочими выделениями. – Поливай!

– Оно? – все-таки уточнила я сперва, суя ей под нос открытый флакончик. Люна нюхнула и кивнула, только после этого я щедро плеснула ей на руки средство.

Движения травницы были осторожными и скупыми. То и дело ее лицо искривлялось – наверное что-то не получалось, но женщина не сдавалась, осторожно поворачивая жеребенка в нужном направлении.

Честно, я себе смутно представляла, как вообще в этой ситуации выглядит правильное положение. Кроме собственных родов я присутствовала на них один раз, еще во время студенчества, на факультативе по акушерству. Нам тогда крупно повезло, что роженица попала не из стеснительных и позволила набиться в палату почти десятку студюзусов. Я бы выгнала с матюгами!

С другой стороны, мне кажется, она не слишком и поняла суть вопроса врача, когда он просил разрешения впустить недоучек, а после просто не замечала нашего присутствия.

Не до того ей было.

Но у той страдалицы все прошло как по инструкции, а тут явно чрезвычайная ситуация. В которой я совершенно не представляю, что нужно делать. Если бы меня оставили один на один с кобылой, ее судьба была бы печальна.

Тут-то, сидя на соломе и глядя как Люна вытягивает за мягкие копытца покрытого слизью жеребенка, я поняла одну простую истину.

Пусть я из цивилизации и больше знаю, теоретически, почти все мои умения здесь неприменимы. Нужно осваивать все заново, с нуля, следовать за травницей по пятам и учиться не переставая, если не хочу пополнить свое воображаемое кладбище новыми надгробиями.

Ошибки мне здесь не простят.

Я видела, как староста смотрит на Люну во время работы. Со смесью брезгливости и облегчения. Ни восхищения, ни уважения во взгляде. Он бы и рад был не звать ведьму, но что поделать – кобыла мучается, приходится терпеть травницу.

Нас выпроводили сразу же, как только стало понятно, что и мать и новорождённый сынок крепко стоят на ногах и помирать не собираются. В ту же корзину, что я принесла с собой, поверх салфетки легли свежие пирожки в промасленной бумаге, обрисовывавшей их поджаристые бочка, и дюжина яиц в сеточке, до того напоминавшей родную авоську, что я чуть не прослезилась.

– Жмот какой! – возмутилась Люна, стоило нам отойти подальше, так что деревня снова скрылась за пожелтевшими

листьями боярышника.

Россыпи алых ягод манили. Нужно будет уточнить у травницы, не ядовиты ли они в этом мире, а если все как я помню, то собрать чтобы продукт не переводить, и на микстуры с вареньем.

– Я на него ценного масла полбутылечка перевела, а он что?

– А что за масло было?

– Подсолнечное, конечно, – буркнула травница, все еще кипя и недовольно постукивая клюкой.

Выходило скорее похлопывание – вдоль тропинки тянулись невидимые щупальца болот. Пожалуй, протопчу ее как следует, чтобы видеть куда наступаю, а то и до беды опять недалеко.

– Какое еще бывает? – не отставала я.

– Конопляное, анисовое, тминное... – принялась загибать пальцы Люна. – Они сложнее в изготовлении и дороже подсолнечного, я только конопляное иногда делаю. Еще ждать приходится, пока староста из города привезет пару мешков семян. Да и возни много, куда больше чем толку. Много разных масел бывает, про некоторые я только слышала, сама даже не нюхала!

– А где вы этому всему научились?

Смотреть на собеседника снизу вверх было непривычно, но действовало безотказно. Травница снисходительно покосилась на малявку и важно ответила:

– От матушки моей. Она ведьмой была, а прежде нее моя бабка. Сестрица моя уехала давно, да говорят, так в городе и померла. Так что некому мне знания передавать. Тебе расскажу все, что знаю!

– Спасибо, – растерянно поблагодарила я. С моими планами пока что все совпадает, но формулировка странная. – А что значит – ведьма? У вас тоже магия есть?

Люна неожиданно рассмеялась, да так, что ей пришлось опереться на косяк, благо до дома мы уже добрались.

– Ну ты, девка, как скажешь! – прокашляла она наконец, отхохотавшись. – Магия! У меня! Откуда?!

– Вы ж сами говорили, маглинии, артефакт вон, – я кивнула в сторону колонки. – Я и подумала...

– Ты ж головой стукнутая! – травница звонко шлепнула себя ладонью по лбу. – Запомнявала, старая. Ничего, потихоньку освоишься, память и вернется. А пока я тебе все обскажу. Начнем с того, что магии у людей нет. Мы к ней не приспособлены. Тело ее не принимает, не то у нас строение. А вот пользоваться научились!

Накрывая на стол, благо готовить сегодня не придется (пирожки, которыми оплатили лошадиные роды, оказались половина с капустой, половина с печенкой, и безумно вкусными), Люна немного поведала мне о мироустройстве.

Мне и этого хватило, чтобы волосы встали дыбом.

Пресловутые маглинии чем-то походили на наше электричество. Только были они не рукотворными, а природным яв-

лением. Эдакие материализованные параллели и меридианы, где-то посильнее, где-то послабее. Иногда активизировалась лишь точка пересечения двух таких линий. Их называли источниками.

Люди магией не владели, но сумели ее приручить. В основном ею заряжали самые разнообразные артефакты. Судя по описаниям травницы, этот мир куда прогрессивнее, чем мне казалось. На уровне начала двадцатого века, не меньше. И фонари тут есть, и машины, и фабрики со сложной техникой. Все работает на магии, само собой. А потому все крупные города располагались строго вдоль энергетических линий, невидимых глазу, но вполне ощутимых при помощи специальных приборов.

В села же, подобные нашему – теперь родному – Потрясью, цивилизация не добирается. Разве что отдельные элементы вроде колонки. Собственно, людям от сохи она и без надобности. Как жили их предки лет двести назад, так и они живут, и через сто лет будут так же жить.

Эта часть рассказа меня как раз не слишком впечатлила. Порадовала, да, что не в дикие времена попала, но не шокировала.

Пришибло меня другое.

Здесь, оказывается, водятся не только люди, но и драконы!

Вот огромные летающие ящерицы – мне что-то уже не по себе – как раз магией владели. Их тело было устроено пра-

вильным образом и взаимодействовало с силой напрямую, без посредства артефактов. Они могли и огнем дыхнуть, и льдом заморозить, и в камень обратить.

По крайней мере, Люна так утверждала.

Правдивы ли те рассказы, она и сама не могла со всей ответственностью поручиться. Поскольку живьем сих дивных рептилий никогда не видела. Они жили обособленно, в собственном горном королевстве, и в Шейдарр, на территории людей, почти не выбирались. По правде сказать, их уже лет пятьдесят вообще никто не видел, не только травница.

Потому лично я склонялась к версии, что слухи о магически одаренных рептилиях – не более чем пропаганда ушлых соседей, чтобы к ним точно не совались с завоевательными порывами.

Люна всерьез взялась за мое обучение. Память по понятным причинам не спешила ко мне возвращаться, а потому травница каждую свободную минуту посвящала образованию новой ученицы. А их было много, тех минут, потому что с наступлением зимы паломничество в избушку почти заглохло. Изредка приходил кто-нибудь за укрепляющим настоем – тем самым, на сосновых почках и зверобое.

Стол стал скудноват. В основном мы с Люной перебивались супами. Не слишком густыми, с сушеным горохом, грибами и различными крупами. Куры с утками вносили приятное разнообразие в рацион, когда яйцами, когда и собственными тушками. Коза исправно доилась и потребляла сено

вперемешку с зерном, как не в себя, и ближе к весне я забеспокоилась, хватит ли нам кормов.

Травница меня успокоила, что вскоре по их старой договоренности приедет из города староста, Кайюс. Он отправлялся по холоду, пока дороги не успело развезти от тающих снегов, до ближайшего крупного поселения, Мадоса, где сбывал пролежавшие всю зиму фрукты и картошку не умеющим толком делать запасы горожанам, а обратно привозил ткани, нитки и зерно мешками. В болотистой местности пшеница родилась плохо, и собственных запасов ее в селе постоянно не хватало. Зато фруктовые деревья и овощные грядки чаще всего давали богатый урожай. Помогали еще настои Люны от гусениц и прочих вредителей. Как она прогнозировала, по весне, ближе к посевной, к ней потянутся просители куда активнее.

Староста явился поздно вечером, с двумя мешками зерна – и нам, и животным – и дурными новостями.

– Прорыв, говорят, в столице был! – рассказывал он, подперев голову рукой, пока травница на скорую руку соорудила застолье. Даже соленых огурцов последних из подпола принесла! – Весь дворец под корень испепелило, дома рядом пожгло, кто успел тот сбежал, кто нет... сама понимаешь.

Кайюс покосился в мою сторону, понял, что странного ребенка таким не шокировать, и продолжил:

– Так бы и полегли все, если бы не драконы!

– Да иди ты! – Люна всплеснула руками, чуть не забыв что

держит в них миску с наваристой похлебкой из осточертевших лично мне грибов.

Староста привередливостью не страдал и активно зарабатал ложкой, не забывая рассказывать:

– Прилетели, покружили над прорывом, да и закрыли его! Только поздно: разлетелись орбисы в разные стороны, поди их поймай!

– Кто разлетелся? – не выдержала я.

Вся история напоминала мне жутковатую сказку, или краткий пересказ блокбастера-фэнтези, и поверить в реальность случившегося было, прямо скажем, сложновато.

– Не лезла бы ты, малявка, во взрослые разговоры! – назидательно воздел заскорузлый палец староста.

Люна же спокойно пояснила:

– Орбисы – полумрачные порождения магии, похожие на огромные светящиеся шары. Иногда прорываются в наш мир. Поймать их, если они добрались до магнии, практически невозможно, они в нее впитываются, как ручей в реку, не отделить.

– Ага, а потом выскакивают в самое неподходящее время! – вставил свои пять монет Кайюс, не выдержавший отсутствие внимания к своей персоне.

Как же, он такие вести принес, ему должны в рот заглядывать и, затаив дыхание, ждать новых откровений, а тут урок истории вместо этого устроили. Ведьмы, одно слово!

В общем, этих таинственных орбисов пытались-пытались

переловить, в итоге плюнули и оставили несколько драконов на дежурстве в полуразрушенной столице, на случай если прорыв повторится.

Остальные рептилии улетели.

Не знаю, обещали они вернуться или нет, но душевное спокойствие мне всколыхнули знатно. Я-то почти убедила себя в том, что драконы это выдумка, а тут вот они! И сотни тысяч свидетелей вдобавок.

– А когда это было-то, уважаемый Кайюс? – рассеянно уточнила я, обуреваемая смутными подозрениями.

– Да уже с полгода тому назад, – поморщился староста.

Ему неприятно было признаваться в том, что свежая новость, принесенная им, не такая уж и свежая, скорее лежалая. Однако меня его переживания волновали мало.

Я почувствовала острую необходимость присесть.

Полуразумные порождения магии в виде светящихся шаров, катастрофа в столице, пожар... и узор на моем теле, как от молнии.

Например, шаровой.

Все это складывалось в довольно стройную картину происшествия, если бы не одно но.

Столица располагалась в сердце Шейдарра. А деревня Потрясье – глубоко... скажем так, в провинции.

Как меня занесло-то так далеко?

Нет, бред какой-то получается.

Глава 5

Я отмахнулась от невероятной версии и принялась дальше слушать старосту. А рассказать ему было что.

Столицу, если верить слухам, разнесло то ли взрывной волной, то ли какими-то ядерными заклинаниями почти в ноль.

Цвет и элита страны, аристократы, как назло съехавшиеся именно в это время на летний сезон балов, уничтожены практически подчистую. Остались их дальние родственники из обедневших ветвей, у которых не имелось средств на роскошную жизнь, и малолетние дети, которым еще рано присутствовать на таких мероприятиях. На момент нападения они находились в провинции, в загородных особняках, так называемых родовых гнездах.

Королевской семьи и проживавших во дворце придворных тоже больше нет.

Назревала смута. Даже такой далекий от политики и не слишком образованный человек, как староста, это понимал и беспокоился.

Только поводов для переживаний нашлось куда больше, чем обезглавленное государство.

По всей стране, вдоль всех маглиний, объявили особое положение. Из них то и дело выныривали те самые орбисы, наводили панику, устраивали катастрофы и снова исчезали в

потоке энергии. Поймать удавалось редкие экземпляры, и то усилиями задержавшихся в Шейдарре драконов. Уцелевшие артефакторы спешно изобретали прибор, способный обнаружить и удержать этих существ, но пока что без особого успеха.

– Ведь почти столетие от них ни слуху, ни духу! – качал головой староста, махом опрокидывая стопку сливовой наливочки. Я и не знала, что у нас такое водится, пока Люна из погребца не принесла. – Тогда-то их драконы загнали обратно, но поговаривают, что нынешнее нашествие тем старым не чета. Много орбисов, очень много. Как бы не изничтожили они нас всех...

– Но что им нужно? – растерянно спросила я.

Мне разрешили сесть за общий стол, хотя по местным обычаям это, конечно, вопиющее нарушение традиций. Детей кормят после взрослых, мне так Люна объясняла. Вместе со многими другими нюансами. Мы-то с ней, естественно, ели вместе, поскольку иной компании у травницы все равно нет, а вдвоем веселее. Но в присутствии посторонних она вдруг иногда вспоминала об «этикетке».

Только сейчас нам всем было не до правил приличия.

– Магия, конечно! – глянул на меня староста, как на дурочку. – Они ж ею питаются. Вот сейчас расплзутся по линиям, расплодятся в них и не оставят нам ни искорки. Что ж делать-то тогда будем?

Я нахмурилась. Если неведомые пришельцы поглощают

энергию, а приборы здесь все на ней как раз и работают, то в результате вполне может наступить своеобразный конец света. Цивилизации так точно. Если представить, что у нас везде вдруг отключится электричество... я поежилась. Жуть какая, это ж сразу каменный век! Ну, начало прошлого века. Но все равно – очень сильный откат назад прогресса. И общества тоже, особенно учитывая что королевской семьи и ее приближенных больше нет.

Начнется борьба за власть, передел территорий, при этом еще как-то надо этих орбисов отлавливать.

– Ну, допустим, они всю магию сожрут, – принялась я рассуждать вслух. Люна перестала жевать черствую горбушку и устала на меня. – У них больше не будет пищи, и они исчезнут. Так? Или к себе вернуться, откуда они там...

– Ох, если бы! – вздохнула травница и снова принялась мусолить сухой хлеб.

Зубов у нее оставалось мало, и усилия приходилось предпринимать значительные. Почему она упорно грызла корки, вместо того чтобы не мучаясь заняться мякишем, оставалось выше моего понимания.

– Они ж за людей примутся, изверги!

– У нас же нет магии? – удивилась я.

– А энергия в нас есть! – буркнул староста.

Его все еще раздражало, что малявка имеет право голоса, но за прошедшие полгода он немного попривык. И даже прислушивался иногда к советам по здоровью, например что

касалось мытья рук после очистки конюшни.

– Они присасываются как пиявки и тянут из человека все что есть, душу вынимают, оставляют один мешок с костями.

По спине легкими морозными лапками пробежал холодок.

Мой рациональный мозг отказывался представлять существ, питающихся магией, но если на самом деле существуют энергетические вампиры, то это как раз подходящее для них описание. В конце концов, в человеке есть слабый заряд электричества. Почему бы здесь ему тоже не быть, только магическому? Недостаточному для полноценного колдовства (боже, что я несу, но вроде бы логично получается?), но вполне подходящему для питания подобных тварей.

– Вся надежда на драконов, – подвел итог беседе староста и грузно поднялся.

Три стопки наливки, запах которой шибал в нос с другого конца стола, сделали свое черное дело – Кайюса повело. Он тут же выровнялся – сказывался многолетний опыт – и двинулся к выходу.

Люна закрыла за ним дверь и повернулась ко мне.

Долго молча изучала, так что мне стало неудобно. Я подскочила и принялась убирать со стола, привычно складывая грязную посуду в таз, чтобы помыть потом под колонкой на улице. Вода в ней не замерзала даже при минусовой температуре, хоть и лилась ледяная. Так что всю зиму я относил тарелки с котелками в помывочную и оттирала их там.

Руки было жалко. Один раз попробовала ополоснуть чашку, потом полчаса отогревала заиндеветшие пальцы. Сейчас-то уже полегче.

– Как думаешь, отключить артефакт? – спросила я, не выдержав гнетущей тишины. – Он их не притянет?

– Раз до сих пор не притянул, не вижу смысла переживать, – отмахнулась Люна. – Мы от основных линий далеко, им сюда не добраться. Меня другое интересует. Ты ничего не хочешь мне рассказать?

Тут я искренне призадумалась.

Поделиться своими догадками? Честно сказать, звучат они как бред.

– Ты появилась из ниоткуда посреди болота, – начала издалека травница, эхом повторяя мои размышления. – Одеты была в дорожную сорочку, это я разглядела. И сама вся нежененькая и хрупкая, как статуэточка. Хоть и грязная. Может, признаешься уже? Обещаю, не буду ругаться и не выгоню. Куда мне тебя выгонять, помощницу такую!

– Мне не в чем признаваться, – развела я руками. И прежде, чем нахмурившаяся Люна упрекнула меня во лжи, быстро продолжила: – Я правда ничего не помню, что там было до болота. Но если рассуждать логически, то, я действительно из каких-то богатых аристократов, пострадавших в столице. Или среди тех, до кого добрались позже, уже на окраинах. Только не понимаю, как я здесь оказалась, отсюда же до всех городов полдня на телеге минимум!

– А порталы на что? – хмыкнула травница. Ее настроение немного улучшилось, когда она поняла что я не вру. – Может, у вашей семьи имелся артефакт переноса. Он, конечно, денег стоит, но и ты не из бедных. Только не обольщайся, не из богатых тоже. Вон как скотину мне в первый же день обиходила! Я тогда еще засомневалась. Откуда аристократочке знать, с какой стороны коза доится! Нет, ты, видать, из знатных торговцев. Те тоже девочек лелеют, но и к жизни приучают.

Я только плечами пожала.

Воспоминания тела не спешили приходиться, скорее всего, их и не осталось вовсе. Даже жуткий спазм, сковывавший меня каждый раз при мысли, что нужно от кого-то скрываться, постепенно почти сошел на нет. Лишь иногда во сне я от кого-то убегала, неслась изо всех сил, чувствуя что все равно не успеваю...

А после просыпалась в слезах и долго лежала, глядя в бревенчатый потолок, не в силах заснуть. Сердце стучало как сумасшедшее, а в ушах звучал незнакомый и родной мужской голос.

«Беги!»

Разумеется, я не стала объяснять Люне, что навыки дойки и кормления кур у меня из другой жизни. Аристократка я или наследственная торгашка – не важно. Если бы остались живые родственники, меня бы искали. В конце концов, вряд ли те порталы – еще один рушащий крышу сознания фено-

мен – выкидывают людей где попало.

С другой стороны, им может быть не до пропавшей девочки. Вон, Кайюс говорит, все силы брошены на отражение неожиданного нападения.

Я сгребла всю посуду, подхватила таз и прежде, чем выйти с ним на мороз, все-таки уточнила:

– Я вот все думаю... а в каком смысле надежда на драконов?

– Они мудрые создания. А еще очень сильные и одаренные магически, – заулыбалась Люна. – Когда-то давно их заставили уйти из Шейдарра, наш тогдашний король боялся, что они отберут его трон. Но драконы никогда не гнались за властью. Так что спокойно ушли, основали свое королевство далеко в горах, куда нет хода простым людям. И обещали вернуться, только если их позовут на помощь. Хорошо, что они не стали ждать приглашения в этот раз, сами прилетели! Иначе конец бы нам всем.

Меня ее рассуждения не впечатлили. Скорее, закралась смутные подозрения. Когда это сильные и одаренные отказывались добровольно от власти? Наоборот, стремились вернуть ее всеми возможными способами.

Например, организовав прорыв чудовищ, которых таинственным образом сами же и нейтрализуют. Только что-то пошло не так, и чудовища вырвались из-под контроля.

В общем, вся эта история с драконами мне доверия не внушала абсолютно. Возможно, я излишне подозрительная,

но в благотворительность не верила никогда. У всех есть свои корыстные интересы, даже спонсоры нашей поликлиники и те в большинстве своем банально отмывали деньги.

Впрочем, меня никто не спрашивал. Ни тогда, ни теперь.

Да и вообще про жуткие события вокруг столицы в Потрясье скоро практически позабыли. Несмотря на кипящую где-то там, в центре страны борьбу за человечество, в нашу глухомань и отголосков не докатывалось. Как жили, так и продолжали.

В город только староста ездить почти перестал. Не хотел рисковать – там ведь, по его словам, довольно сильные маглинии.

Нас с бабой Люной это тем более не касалось – селяне по-прежнему несли кто относительно новую одежду, кто картошки мешок, в обмен на декокты от простуды и для поддержания потенции.

А чем им еще зимой заниматься...

По весне, когда снег окончательно растаял, а промерзшая земля превратилась в привычный кисель, к нам действительно потянулись садоводы за снадобьями от вредителей. Потом за удобрениями. Затем за противозачаточными – тут я могла только глаза закатить и посоветовать полное воздержание.

Одна ушлая дамочка пришла за приворотным. Люна налила ей во флакончик отвара ромашки, и с каменным лицом приняла мзду – пёструю живую курицу, если верить рекомендациям отличную несущку.

– А она обратно не придет жаловаться? – опасливо уточнила я, когда за просительницей закрылась дверь.

– Ну что ты! – расхохоталась травница, устав сдерживать эмоции. – Магии у людей нет, а то что эта дура считает меня ведьмой – ее проблема. В чем она меня может обвинить?

– В подлоге и фальсификации? – со знанием дела предположила я.

– Догадываюсь я, кому она зелье подливать собралась, – все еще посмеиваясь, ответила Люна. – Он и без приворота на все готов. Со всеми. Ей точно не откажет. А после еще какой соседке.

– А если придет с жалобами, скажем что та соседка тоже у нас зелье покупала! – подхватила я и хихикнула. – По очереди к нам побегут!

– Точно ты из семьи торговцев! – твердо заявила травница. – Смекалистая девка!

Впрочем, полагаться в доходах на одну смекалку я не собиралась. Все-таки этот финт с зельями походил на мошенничество, а нарушать закон не хотелось. Мало ли. Толпы девиц, жаждущих возмездия, к нам не повалили, обошлось.

Вычесывая клочьями лезущий подшерсток и пух козы, я решила не переводить зря добро. Прялка лежала без дела на чердаке, и хозяйка совершенно не возражала, когда я стащила ее вниз. Никакой механики, даже колеса, одна подставка под кудель на ножке и донце-опора.

– Ой, давненько я не пряла, – со вздохом призналась Лю-

на, поглядывая на меня со смесью зависти и гордости. – Глаза не те, да и в руках былой чуткости нет. Старость не радость, эх...

Чувствуя себя немного принцессой, несколько раз укололась о веретено, пока вспомнила движения. Пришлось постоянно себя контролировать – тело такую моторику не помнило, все заново, как первый раз. Пальцы не слушались, теряли нить, и первые мотки вышли кривые и корявые.

Я из них потом связала коврик для входа, ноги вытирать.

Как только мне удалось освоить технику, закончилась шерсть. Впрочем, поздней весной, а тем более летом, и без того мне было чем заняться.

Мы с Люной отправлялись за травами затемно и возвращались лишь поздним вечером, пережидая жару в густой тени рощ и перекусывая тем, что принесли с собой. Заодно освобождалось место в корзине, которое на обратном пути заполнялось ранней земляникой и жимолостью.

Собственно, в таком режиме мы провели все лето и большую часть осени, пока деньки стояли светлыми. Мне этот период запомнился как один сплошной лесной поход. Вроде когда-то мне нравилось бродить по лесам? Зря я страдала от невозможности попасть в них вновь. Накаркала. Теперь и не вылезала почти, прерывались только чтобы разложить травы для просушки, наварить варенья и сиропов или рассортировать семена.

Люна всю пользовалась наличием помощницы, моло-

дой и ловкой. Силу я компенсировала выносливостью, и волокла на себе как правило сразу две или три корзины, связанные веревкой. Трава-то она места занимает больше, чем веса дает! Это не только при диете работает.

Следующей весной я была уже ученая, и потребовала в качестве подношений счесанную шерсть. Домашней скотины, собак, котов – все шло в дело. Мы с Люной обзавелись отличными теплыми кофтами, я сделала ей настоящий пояс от радикулита, да и носки с варежками прекрасно спасали в заморозки. Вязала я крючком, спицы за свою жизнь так и не освоила. Травница поглядывала косо на инструмент в моей руке – таких она раньше не видела, но с вопросами не лезла.

Так мы и жили, в общем-то неплохо.

Года четыре.

Пока в болото за нашей избушкой не упал дракон.

Глава 6

В тот момент я, если честно, и не поняла, что там такое рухнуло.

Просвистело так, что находишь я по-прежнему в родном мире, подумала бы на истребитель или ракету какую. Затем сочный плюх – и тишина.

Люна, как назло, именно в тот вечер ночевала в деревне. С утра мы с ней приняли роды. И женщина, и ребенок были довольно слабы и нуждались в присмотре, так что с ними осталась травница. Я предлагала свою кандидатуру, но меня пока еще в качестве полноценной целительской единицы в селе не рассматривали.

Муж роженицы так и сказал: «Не доверю семью этой пугалице!»

А для нас обеих там места было маловато. Да и за животными присмотреть надо бы.

Так что в домике я была одна и перепугалась насмерть. Вспомнились все кошмары разом, сердце застучало как сумасшедшее, я забилась в постель, накрылась с головой и несколько минут просто тряслась от ужаса.

Но вокруг стояла гробовая тишина. Не лучшая ассоциация, но меня она отчего-то успокоила. Я выбралась из вороха одеял и прислушалась.

Ни звука.

Стояла поздняя весна, и хотя днем воздух прогревался так, что хотелось раздеться до рубашки, по ночам иногда подмораживало. Я оделась потеплее, в собственноручно связанную из козьего пуха кофту и, приоткрыв входную дверь, снова наострила уши.

Где-то вдалеке перепорхнула с ветки на ветку страдающая бессонницей птица, отчего у меня душа снова ухнула в пятки.

Не обнаружив ничего ужасного сразу у крыльца, я взяла себя в руки, вооружилась ухватом – а что, отличное оружие, колюще-ударное, сунула ноги в полусапожки и двинулась на разведку.

Заходящее солнце подсвечивало болото зловеще-алым, добавляя картинке сюрреализма и жути.

Место посадки я заметила издалека. Тоненькую березовую рощицу, чудом выросшую на вытянутой кочке, переломало наискосок. Я проследила взглядом торчащие останки веток и только тогда заметила его.

Мужчину.

Он лежал ничком в топи, длинные волосы разметались, закрывая лицо окончательно, но ширина плеч и мускулистые руки не оставляли сомнений – отличный экземпляр, физически развитый и вполне взрослый.

Только вот что он забыл посреди болота? И как вообще сюда попал?

Меня посетило стойкое дежа-вю.

Когда-то я тоже вот так очнулась в топи, не понимая что происходит и где нахожусь.

А вдруг у него та же ситуация?

Может это вообще мой родственник?!

Мысль о том, что меня на самом деле могли искать и таки нашли, придавала сил и смелости. Я поскакала козой по мало-заметной тропинке, отмеченной более яркой и длинной осоккой, подобралась почти вплотную и попыталась подцепить тонущего рогатиной.

Незнакомец погружался медленно, поскольку лежал плашмя, но уверенно. Если ничего не сделать, через минуту от него только пузыри и останутся.

Помогать мне он не спешил, и я изрядно помучилась, при-страивая ухват так и эдак. Наконец один из металлических хвостов зацепился за что-то на одежде жертвы, и я осторожно попятилась, стараясь тянуть равномерно и не дергать, чтобы не упустить добычу.

Только когда верхняя половина тела оказалась на кочке, я позволила себе судорожно выдохнуть. Положила ухват и, присев на корточки, перевернула несчастного, чтобы хоть дышать мог.

Мужчина закашлялся, не открывая глаз, изо рта полилась тина вперемешку с грязноватой водой бочага. А я чуть не упала прямо в грязь.

Это точно не был мой родственник. Слишком смуглый, скуластый, темноволосый, крупный породистый нос и густые

брови истинного южанина. Не знаю, как они здесь называются, основные мои источники информации – травница и староста – не были сильны в географии.

Я же походила на классическую славянку – русые волосы, которые мне подровняла Люна, слегка волнистые, серо-голубые глаза и светлая, почти прозрачная кожа.

С годами я слегка округлилась, больше не походила на тощего заморыша. Заодно поняла, что ошиблась в оценке собственного возраста. Девочке было не десять на момент попадания, а как минимум двенадцать, потому что сейчас я переросла Люну и совершенно отчетливо превратилась в девушку. Не знаю, во сколько здесь наступает совершеннолетие, но судя по сальным взглядам холостых парней в деревне, я вполне в брачном возрасте.

Только не внешние различия заставили меня отшатнуться от пострадавшего.

Ниже лица, на груди и животе, красовались длинные, вспухающие на глазах алым глубокие царапины. Похоже, березы без боя не сдались.

Но и это не было самым страшным.

Весь бок представлял собой один сплошной почерневший ожог.

Мне стало дурно.

Ожоги и в наше время с трудом поддаются лечению, особенно сильные. А тут у меня и вовсе из антисептиков мед и отвар березовых почек с ромашкой. Что делать-то?!

Ну, точно не оставлять раненого в таком состоянии на болоте.

О том, что меня могут обвинить в его смерти, в случае чего, я старалась не думать. Попробую помочь, а на худой конец облегчить последние минуты. Кажется, у Люны в подвале завалилась дурманящая настойка, состав которой травница категорически отказывалась раскрывать. Пахла та, впрочем, вполне характерно.

Не ибупрофен, конечно, но на худой конец сгодится.

Вот только как пациента доволочь?

Попыталась ухватить за подмышки, и мужчина глухо застонал, не приходя в сознание. Ну да, я же пальцами прямо ему в рану полезла. Нет, надо как-то по-другому.

Тележек у нас нет.

«Зато есть ковер!» – вспомнила я неожиданно. Толстый, прочный и довольно большой. Бракованных неровных ниток получилось много, и кроме небольшого круга, чтобы вытирать ноги, я связала еще одно полотно, почти в свой рост. Мы его под кровать подсунули, чтобы вставать по утрам не на пол, а на теплое и мягкое. Пока там тапочки нащупаешь...

– Так. Ты лежи, я мигом! – сообщила на всякий случай больному. Тот никак не отреагировал, да я и не ждала ответа. При таком поражении тканей удивительно, что он еще жив вообще, а не скончался от болевого шока.

В домик и обратно я метнулась мухой. Пока окончательно не стемнело, нужно успеть перетащить раненого в избушку,

а то ночью я вполне могу промахнуться мимо тропки. Оба и потонем!

Ковер, простыню, иголку с толстой ниткой, чтобы зафиксировать импровизированную волокушу на мужчине – он же сползает будет, мы так до утра не доберемся.

Ухватив весь скарб в охапку, я поспешила обратно, надеясь что несчастный еще жив. Честно сказать, закрадывалась иногда предательская мысль, что легче было бы ему помереть, но я ее тут же отгоняла. Не по-человечески это. Жизнь – величайшая ценность, а моя задача – сделать все, чтобы пациент с ней не расстался. Все.

Пострадавший дышал, сипло и прерывисто. Я затормозила у его головы, разложила ковер рядом и принялась перетаскивать мужчину за относительно здоровую часть. Я тянула и волокла, дергала и приподнимала рывками, и наконец несчастный оказался там, где нужно. Длина ковра подошла в точности. И ширины как раз хватило, чтобы обернуть вокруг ног и закрепить углы посередине полотнища, как огромный подгузник.

– Держись, приятель, сейчас будет больно, – честно предупредила я, хватая волокушу за углы, как рикша берет свою повозку за оглобли, и поднимая вместе с ковром торс несчастного.

Он снова застонал – как серпом по сердцу. Но помочь ему я сейчас ничем не могла: времени искать настойку нет, до дому бы добраться!

И мы побрели.

Каждый шаг приходилось выверять, там, где обычно я перепрыгивала с кочки на кочку, перебиралась рывком, на пределе сил, и сразу подтягивала тело за собой. Периодически оборачивалась, чтобы проверить как он там, но старалась не тормозить. Понимала, что если встану, то больше с места не сдвинусь.

Я, конечно, окрепла во время походов в лес, но тащить на себе здоровенную тушу, да еще в мокрой одежде и сапогах, плюс пропитавшийся тиной ковер – это совсем-совсем другое!

Казалось, путешествие растянулось на долгие часы, но когда я уперлась сапожком в первую ступеньку крыльца, последние сизые лучи зашедшего солнца еще витали над лесом.

Успели.

От облегчения я чуть не выронила скомканные в кулаках углы ковра. Ладони кровоточили, натертые жесткими узлами нитей.

Предстояло еще затащить пациента в дом, что я проделала из последних сил и просто рухнула рядом на пол, переводя дыхание.

С нас обоих моментально натекли папахивающие лужи.

Пнув себя мысленно, поднялась и занялась уборкой. Сначала нужно все почистить, избавить раненого от одежды, отмыть от грязи, и только потом прикидывать, что я могу для

него сделать.

Раз он до сих пор цепляется за жизнь, я просто обязана попытаться ему помочь, а не просто опоить дурманом, чтобы легче отошел. Нет уж. Дурман, может, и пригодится, чтобы снять боль, но с ожогом что-то нужно делать.

Какая жалость, что я не хирург!

Повреждения кожи мы, разумеется, проходили. Но больше с упором на диагностику, чем операционное лечение. Да, я знала в какой ситуации обварившегося из чайника ребенка следует послать к специалисту.

Вот сейчас как раз такая ситуация.

Но справляться придется самой.

Вспоминай, тряпка. Вам на лекции перечисляли, что делать при ожогах! Одной повязкой с примочкой тут не отделаешься.

Мои руки действовали на автопилоте. Искали застёжки, стаскивали сапоги, носили ведра с водой, выжимали тряпки, зажигали свечи. Пришлось выгрести почти весь наш запас с Люной. Потом будем впотьмах сидеть, пока Мартин с пасаки не захворает животом – снова – и не притащит новых толстеньких, вкусно пахнущих свежим воском свечей.

Сейчас же в комнате пахло паленым и болотной гнилью. Несмотря на то, что я выдраила пол, переделалась и разоблачила раненого, запах никуда не исчез. Или это мое подсознание так отвлекается от жуткой картины?

Сам мужчина был сложен просто божественно. Если бы

не угольно-черное пятно, уродующее бок от тазовой кости до ключицы, его можно было бы вместо Аполлона в музее выставлять.

Тем более и ниже тазовых костей, в отличие от древней статуи, у него было на что приятно посмотреть.

«Потом обязательно полюбуюсь, если выживет», – пообещала я себе в качестве поощрения, и приступила к делу.

Пока занималась уборкой, заодно спустилась в подвал, отыскала заветную бутылочку из темного стекла и влила в приоткрытый рот пострадавшего несколько капель настойки. Люна рекомендовала роженицам одну-две капли, этому же бугаю я щедро влила все пять. Здоровенный лоб, раз уж до сих пор не помер, выдержит. Зато меньше шансов, что дернется невовремя.

Для начала пришлось по ниточке удалять прилипшую рубашку и кожаную жилетку. Они буквально сплавилась с кожей, так что удаляла я все вместе. Руки не дрожали, хотя внутри меня трясло. Да, я присутствовала на вскрытиях, щупала трупы, даже на полостных операциях была пару раз. Смотрела издалека. Кто студентку к распахнутому животу внутренностями наружу подпустит!

Когда пришла пора отсоединять обожженный кусок от живой плоти, меня чуть не стошнило. Удержалась чудом, понимая, что я единственная надежда бедолаги на спасение.

Промыла чистой водой, затем пресловутым отваром ромашки и почек березы.

Заодно обработала многочисленные царапины. Пришлось повозиться, вытаскивая щепки и застрявшие кусочки веток.

Когда я наконец оторвалась от мелкого ремонта и снова взглянула на пострадавший сильнее всего участок кожи, меня ждал сюрприз.

Не сказать чтобы плохой.

Кровь перестала течь неожиданно быстро, рана стремительно, прямо на глазах покрывалась бурой корочкой.

Ничего себе у него регенерация! У меня царапины даже со специальным гелем так быстро не закрывались.

Перевернув мужчину на здоровый бок, я занялась россыпью ожоговых пузырей ближе к спине. Иссекла, промыла, да так пока и оставила. Надо бы повязку наложить, но учитывая как быстро твердеет сукровица, отирать ее потом придется снова с мясом. Ну его, такое развлечение!

– Пить! – неожиданный хриплый шепот застал меня врасплох.

Хорошо, что я ножом в тот момент ни в какой части тела не ковырялась!

– Сейчас, милый, потерпи маленько! – на автопилоте попросила я, погладив мужчину по голове, как одного из моих мелких пациентов в прошлой жизни.

Тот от подобной наглости аж один глаз приоткрыл.

Я не стала дожидаться, пока он меня разглядит во всей красе, а поспешила к печи, где уже остывал усовершенствованный мною иммунный сбор. Я добавила к рецепту Лю-

ны имбирь. Горечь, конечно, жуткая, но если добавить в отвар меда, то и ничего. Зато природный почти-антибиотик, обезболивающее и вообще отличное средство практически от всего, что связано с лихорадкой и воспалениями.

Когда я вернулась с дымящейся кружкой, бедолага, кажется, снова потерял сознание. Пришлось заливать в рот с ложечки. Часть вытекла обратно, но сколько-то раненый проглотил.

Убедившись, что и неровные следы от пузырей уже почти не кровоточат, я переложила пострадавшего снова на спину, подстелив чистую плотную простыню. Перетащить его на кровать я физически не смогу, а на голом полу застудится.

Подумав, укрыла его до пояса одеялом – ниже ран почти не было, мелкие царапины не в счет, их я залила густым отваром эвкалипта. И промыла, и продезинфицировала.

Сама же затушила свечи (вот Люна ругаться-то будет, месячный запас почти извела!), устроилась рядом, чтобы согреть телом, и на минуточку прикрыла глаза.

На минуточку.

Глава 7

Я проснулась от непривычного ощущения.

Кто-то увлеченно гладил мою пятую точку. Вдумчиво, обстоятельно. Меня так со времен замужества, лет эдак пятьдесят, не обхаживали.

Точно не Люна. У нее рука меньше – раз, и тяжелее – два. Она бы просто наподдала от души, если бы решила что я залеживаюсь и ленюсь. А тут явно человек тактильное удовольствие получал.

– Я смотрю, ты ожил, – пробурчала я сквозь сон, без особой злобы.

Ну, лапает и пусть его. Я тоже вчера налюбовалась разным в промежутках между приступами тошноты. Чтобы прийти в себя, нужно же смотреть на что-то приятное, вот я и смотрела.

– Как ни странно, да, – пророкотал приятный низкий голос у меня под ухом.

Я лежала щекой на мужской груди, чувствуя как прямо под ней сильно и уверенно бьется сердце.

Для пострадавшего от ожога третьей степени он поразительно бодр. Безо всяких физрастворов и капельниц в себя пришел – уже подвиг.

– А совесть почила, похоже, – все с той же интонацией закончила я мысль. И видя что эффекта мое выступление не

возымело, добавила: – Я всю ночь не спала, тебя отмывала и обдирала, декоктами отпаивала. Немного уважения к спасительнице прояви, что ли!

Рука на мгновение замерла, сжала на прощание полушарие и оставила меня в покое. Зато шевельнулась грудь. Пострадавший попытался встать, но со стоном остался на месте.

Еще бы. У него на трети тела кожи почти нет, куда он собрался?

– Если по нужде, я тазик принесу, – спохватилась я и завозилась, собираясь встать.

Все та же рука уже совершенно не шаловливо, а цепко и бескомпромиссно ухватила меня за талию, не отпуская далеко.

– Где я?

– Село Потрясье. Округ Мадоса. Шейдарт, – отрапортовала я подробнейшим образом, на случай если мужчина промахнулся со страной.

Кто его знает. Раз он прилетел откуда-то сверху, по дороге заломав рощу, тут два варианта. Либо порталом прибыл – в существование которых я до сих пор не слишком верила, но допустим. Настройки сбились, штурман промазал.

Либо на драконе прилетел. Во что мне тоже не шибко верилось, поскольку я еще ни одной рептилии живьем не видела. А разумные динозавры для меня слишком дикое допущение.

В общем, взялся незнакомец откуда-то из воздуха, так что, вполне вероятно, собирался попасть вовсе не в нашу глухомань.

– Мадос? Что за...

Речь у больного путалась, похоже, до выздоровления ему еще далеко. Первый приступ активности спал, и его потянуло в сон. Это хорошо. Жара нет, я бы почувствовала. Пусть отдыхает, набирается сил. А если что, я и обмою, и простынку поменяю. Дело-то житейское. Свекровь моя, царство ей небесное, полгода лежала после инсульта, я ее обхаживала. Муж тогда еще был жив, помогал, но принцип ухода за лежачими больными помню.

Пальцы, впивавшиеся в мои ребра до боли, расслабились, рука безвольно опустилась вдоль тела. Больной отключился.

Я вывернулась из стальных объятий, на всякий случай проверила температуру, глянула на пострадавший бок и поморщилась. Затянуться-то оно затянулось, но корочка за ночь и от неловких недавних движений в нескольких местах треснула. Очень уж большая площадь поражения.

Отыскав нужные травы, я принялась готовить дезинфицирующие и смягчающие примочки. Обычные бинты тут не подойдут, придется переводить наволочки. Ох, и влетит мне от Люны!

Она отчего-то домой не торопилась.

Неужели осложнения у роженицы?

Я успела много чего передумать, наложить неплотно при-

легающую, пропитанную отваром календулы, девясила и можжевельника ткань на рану, укрыть бедолагу одеялом по-теплее, сделать обед для нас с травницей, перетереть овощной суп в пюре для больного... Надо бы куриный, но это сколько возни, а я отойти не могу ни на минуту, мало ли несчастному хуже станет!

Это не наш мир, где доставку заказал, открыл пачку готовых, обработанных ножек, и бросил в кастрюлю. Тут еще эти ножки поймать сначала надо в курятнике! А у меня на то ни сил, ни времени.

Мужчина приходил в себя раза три. Я успевала влить в него лекарство с имбирем и пару ложек супа, прежде чем он снова уплывал в небытие. В промежутках меняла примочки, стирала от приставшей сукровицы, снова вымачивала в густом отваре и прикладывала к ране, которая с каждым часом выглядела все лучше. Ни сепсиса, которого я отчаянно опасалась, ни воспаления.

Разум подсказывал, что так не бывает, но жаловаться на чудо я не собиралась. Выжил, и ладушки.

Царапины зарубцевались еще утром, я их смазала пару раз, на всякий случай, и больше не трогала. Лицо почти не пострадало, так что в перерывах между забегами в помывочную я любовалась классическими чертами, чуть осунувшимися, но все равно породистыми. Тут явно аристократия потопталась, поколения селекции и тщательного отбора.

Не моего полета птица, так что хоть посмотрю, пока есть

на что.

Люна вернулась ближе к вечеру, когда я уже всерьез забеспокоилась. Не столько о ней, хотя возраст травницы уже сказывался, и ей бы себя побережь, сколько о роженице с дитем. А вдруг что не так, а я и помочь не могу? Телефонов нет, связаться никак не выйдет. Мальчишку какого прислать могли, конечно, но в наш домик дети опасались добегать.

Ведьмы же!

Мало ли, заколдуют, порчу наведут.

И плевать, что у людей магии не бывает. Ведьмы могут, и все тут!

– Что у тебя там случилось? Дите приболело? Послед не весь вышел? – подхватившись с пола, бросилась я к травница, которая вытерла ноги о коврик, да так и застыла на пороге, уставившись на бессознательного гостя.

– Так вот что они искали! – невпопад отозвалась Люна. – Точнее, кого.

– Кто искал? – удивилась я, обернулась на мужчину и до меня дошло. – А, его потеряли?

– Да, приехали целым отрядом на здоровенных конях, поля потоптали, два забора повалили, все допытывались, где генерал Эмберскейл? Не видали ли? Кто же знал...

Травница растерянно оглядела картину маслом: прогоревшие свечи, кучу тряпок в тазу – как раз подходило время очередной стирки, ну и вишенкой на торте – огромного мужика на полу.

– И где они теперь?

– Что значит где? Уехали, конечно. – пожала плечами Люна.

Я подавила порыв вцепиться в волосы. Незадача-то какая! Как бы нас не обвинили в похищении или еще чем таким. Никто не будет смотреть, вылечила ведьма или нет. Не выдали же по запросу!

– Нужно срочно их вернуть! – заявила травнице, поглядывая на мерно сопящего пациента.

Люна понимала не хуже меня, чем для нас может обернуться нечаянное спасение. Потому согласно кивнула и заглянула в кастрюлю.

– Отвара еще раза на три хватит, – прокомментировала я, поспешно одеваясь.

Скоро темнеть начнет, в ночь мне староста лошадь точно не даст, нужно пошевеливаться! Если отряд большой, вряд ли они прям толпой несутся сломя голову обратно в город. Потеряшку-то еще не нашли! Наверняка где-то неподалеку лагерь разбили, чтобы с утра продолжить поиски по лесу и болоту.

Могли бы и в деревне остаться, но, видно, побрезговали. Я их понимаю: сама в некоторые дома с опаской заходила, не садилась никуда и тем более не ложилась, чтобы не подцепить какую живность. Мы-то с Люной и мылись регулярно, и белье перестирывали, но далеко не все соседи такие чисто-плотные. Скорее наоборот.

– Отвар в чашке, пусть пьет каждый раз, когда просыпается, – продолжала выдавать инструкции, натягивая сапоги. – Повязку не надо, прирастет. Только прикладывать, и ненадолго.

– Я за ним присмотрю, не переживай, – заверила меня травница. Она успела откинуть одеяло и оценить фронт работ, после чего уважительно покачала головой. – Главное, чтобы буйнить не начал.

– Рана разойдется, не до скандала будет! – фыркнула я, выскакивая за дверь.

Запоздало подумалось, что надо было, наверное, для убедительности какую деталь одежды прихватить, но я же все почти порезала, а что нет, то превратилось в невразумительную тряпку после болота. Все снятое с больного я свалила кучей у помывочной. Подумав, свернула к ней и отодрала от рубашки характерную пуговицу.

Все доказательство.

Мало ли, решат что я их в ловушку хочу завести или еще какую муть придумают.

Кайюс предсказуемо уперся, не желая отдавать ценную тягловую силу.

– Еще ноги переломает! – заявил он, скрестив руки на груди в знак того, что решение его непоколебимо. – Ишь выдумала, ночью скакать по буеракам! Истинно, ведьма.

– Тогда сами езжайте, ищите этих всадников! – вспылила я. – Имейте в виду, я скажу, что это вы утаили ценную ин-

формацию об их приятеле.

– Чегось ты такое говоришь? – растерялся разом староста. – Никогда я от их драконьих милостей ничего не утаивал!

Какие еще драконьи милости? А, наверное, это те самые отряды, что боролись с орбисами! Как я и думала, кроме рептилий в них наверняка состоят и люди.

– С ними что, настоящие драконы были? – с восторгом вмешался младший отпрыск старосты.

Пятилетний мальчуган вылез из спальни, привлеченный нашими громкими голосами, и явно был готов мчаться сквозь ночь вместе со мной, чтобы взглянуть одним глазком на легендарных существ.

Староста покачал головой.

– Не было, только форма на них характерная, черная с золотом. Цвета драконьи, тут и думать нечего!

Его правда, черной одежды я тут до сих пор ни разу не видела. Даже во время траура люди облачались в синее или зеленое – цвет надежды и новой жизни, по версии травницы.

Отсутствие черного красителя объяснялось просто: очень уж он дорогой. Его получали из стручков, росших на каком-то редком дереве, причем исключительно на юге. В вотчине драконов, одним словом.

Вот они и пользовались, выделяясь темным пятном в цветастой людской массе.

– К тому же на флаге герб был. Дракон, распахнувший

крылья, и внизу замок, – добавил староста после недолгой паузы, и я с трудом сдержалась чтобы не хихикнуть.

Вот тебе и дедукция. Ткани, цвета... тут, считай, прямым текстом написали. То есть нарисовали.

– Так коня дадите или нет? – потеряв терпение, напомнила я о цели визита.

Честное слово, пока мы препирались, уже половину пути бы проделала пешком!

– Ладно, забирай! – буркнул Кайюс, отрывая гужевой транспорт от сердца.

Мне красавец Бурьян был не менее дорог – тот самый жеребенок, родившийся на моих глазах, вырос и превратился в отличного выносливого коня. С ним я год назад научилась немного ездить верхом. Без седла, само собой. Какое седло в деревне!

Свалилась раз десять, не меньше.

Умный жеребец останавливался, косил на меня ехидно, но терпеливо ждал, пока я вскарабкаюсь обратно на спину.

Чувствую, сейчас мне придется вспомнить все, чему научилась за прошлое лето...

Бурьян, услышав мои шаги, радостно заржал. Но его ждало разочарование – второпях я совершенно забыла захватить ему угощение. Не у старосты же просить!

– В другой раз принесу, прости, – я погладила коня по бархатистому нюху и быстро нацепила уздечку. – Пойдем, нам надо поспешить!

Словно понимая мое волнение, конь с места, прямо из конюшни, взял крупной размашистой рысью, отдававшейся вибрацией в пояснице.

Выследить отряд не составило труда, поскольку они не скрывались. Размокшая дорога отлично держала следы, и когда россыпь вмятин от копыт свернула в лес, я не задумываясь направила Бурьяна следом.

Цепочку костров я заметила издалека. Даже раньше, чем до меня донеслись голоса. Как раз слышно «драконьих милостей» почти не было, они негромко переговаривались, а большинство вовсе молча занималось каждый своими делами. Ни песен, ни баек за ужином. Настроение явно царило не слишком праздничное.

Когда я выехала на расчищенную поляну, мужчины слегка оживились.

– Это еще что за селяночка? – спросил один.

Вопрос был явно риторический, но на него ответили тут же:

– Поди, позабавиться решила. Проваливай отсюда, милая, нам не до утех!

– Ну отчего же проваливай? Грех не уважить молодку. Такой путь проделала, да в ночи! – подключился к дискуссии третий голос.

– Мне сказали, вы ищете мужчину. Развит как воин, темные волосы, крупный нос, дорогая одежда. Жилетка кожаная. И вот такие пуговицы на рубашке, – я подняла повыше

образец.

С огромным запозданием пришла в голову пугающая мысль.

А ну как они его ищут не с целью спасти, а совсем напротив? Вдруг это враги?

Хотя какие враги в центре страны? У нас не восстание и не гражданская война, чтобы опасаться каждого чиха. Неприятеля узнать легко – если он энергетический летающий шар, от него стоит держаться подальше.

Группа мужчин передо мной на энергетические шары не походила вовсе.

Зато внешне чем-то неуловимо напоминала спасенного мною раненого. Та же смуглая кожа, разлет густых бровей, это ощущение юго-восточного колорита в лицах.

Тот, что отсылал меня подальше самым первым, выступил вперед и внимательно оглядел пуговицу.

– Похожа на его, – кивнул он своим мыслям. – Где нашла?

– На болоте. И рубашку, и мужика, – честно ответила я. – Только увезти сразу вы его вряд ли сможете. У него ожог во всю бочину.

– Ожог? У него? – судя по вытаращенным глазам, мне не поверили. – Кажется, девочка, ты что-то путаешь.

– Сами увидите, – пожалала я плечами и развернула Бурьяна. – За мной поедете или завтра вас ждать?

– А куда ехать-то? – спросил кто-то из толпы.

Их тут человек десять, не меньше. Похоже, пострадавший

большая шишка! Целый отряд на поиски одного пропавшего снарядили.

– В ведьмину избушку, – коварно ухмыльнулась я.

Глава 8

Эдакого паломничества наш домик не видел, пожалуй, отродясь.

По ночи все воины никуда не потащились, отправились со мной к избушке только двое. Тот, кому было не до утех, оказался командиром отряда и решил лично убедиться, что селянка их не обманывает и не заманивает в ловушку.

С собой взял еще одного, самого здоровенного. Наверное, для устрашения. Ну как же, я да старушка Люна, это ж целая армия!

Не знаю, что ожидал увидеть мистер Блейзион, как он мне по дороге представился, но точно не распростертого на простыне бессознательного товарища.

С невнятным возгласом мужчина шагнул вперед и был остановлен твердым взглядом травницы.

– Обувку сымайте, у нас тут не казарма, – буркнула она негостеприимно. – Нанесете грязи, потом мучайся с лихорадкой у больного.

– Как он так?.. – недоуменно выдохнул Блейзион, безропотно разуваясь.

Его так шокировал вид генерала, что и в голову не пришло возразить Люне.

Чего удивляться, спрашивается? Все они люди военные, наверняка навидались разного.

– Я его из болота приволокла, – сочла все же нужным пояснить, чтобы вдруг не записали повреждения на наш счет. Свечкой пожгли, канделябром добили. – Если что, он уже раненый был.

Здоровенный бугай, молчавший все это время, тоже стянул сапоги и опустился на колени рядом с нашедшимся генералом. Откинул одеяло, оглядел примочку, заглянул под нее. Кажется, это был не просто устрашающего размера воин, а еще и штатный целитель, поскольку действовал он умело и уверенно. Одобрительно кивнул, опустил край ткани на место и поднялся.

– Завтра можно перевозить, – прогудел лекарь решительным басом. – Знахарки отлично поработали. Даже удивительно.

Я собралась было оскорбиться на такое пренебрежение, но передумала. А чего ждала? Глухая деревня, край мира. Откуда тут взяться хорошему специалисту? Чудо, что Люна действительно разбирается в болезнях, и неплохо. Потрясью крупно с ней повезло.

А генералу со мной.

– Мы снаружи заночуем. Утром заберем вашего пациента и не будем вас больше стеснять, – проинформировал меня Блейзион, разворачиваясь к выходу. – Благодарим за своевременную помощь.

– Да не за что, – растерянно пролепетала я, толком не понимая, как реагировать. По идее у них свои профессионалы,

вытянут. Но я же начала лечение, у меня все инстинкты требовали проследить, чтобы раненому не стало хуже. – Ему бы телегу, а еще лучше повозку, чтобы не трясло, и помягче что подложить...

Штатный целитель ожег меня величественным взором, и я замолчала. Ну, правда, зачем стараюсь? Они сами разберутся, не маленькие. А если рана вдруг откроется – что ж, я сделала что могла, дальше уже не моя ответственность.

Очень хотелось, чтобы представительный и чего уж там, красивый генерал выжил, но чем дальше от меня, тем лучше. В моем положении следует от властей держаться на приличном расстоянии. Я так и не набралась храбрости, чтобы спросить у Люны насчет попаданцев. Бывает ли так, что сюда иногда забрасывает чужие души, и что принято делать в таких случаях?

Честно сказать, боялась услышать «жгут на костре» или что-то вроде.

Мужчины обулись, вышли за дверь и наступила гнетущая тишина.

– Отвар закончился, – подумав, сообщила травница. – И примочки менять пора.

– Да, точно.

С нескрываемым облегчением я нырнула в круговерть неотложных дел. Стирка, смена повязок, готовка, уборка. Ближе к ночи поняла, что валюсь с ног, а голова гудит и отказывается работать. После почти бессонных суток неувиди-

тельно.

Именно этого эффекта я и добивалась.

Раненый пришел в себя как раз, когда настала пора очередной раз осматривать рану. Корочка выглядела неплохо, будто не сутки образовывалась, а неделю, не меньше. Никакого воспаления, легкое покраснение по краям раны в пределах нормы, даже следы от вскрытых пузырей затянулись тонкой прозрачной кожицей. В общем, путешествие пострадавший, скорее всего, выдержит, если его сильно трясти не будут.

– Пить, – прохрипел знакомый голос.

– Сейчас! – я подхватила, метнулась за кружкой к столу и помогла генералу приподнять голову, подсовывая к губам полулю соломинку. Очень кстати нашла в сене, чтобы не обливать грудь в тщетных попытках напоить из ложечки. Промыла, само собой, перед употреблением, но не сильно, чтобы не развалилась ценная приспособа.

Мужчина сначала не понял, чего я от него хочу, потом потянул в себя воздух, глотнул горьковатый отвар и скривился.

– Гадость какая! – с чувством выдохнул он.

– Зато полезная, – отрезала я.

Люна демонстративно всхрипнула с кровати.

Пациент осилил полкружки, позволил себя уложить обратно – под голову я подсунула свернутое одеяло, чтобы не было слишком жестко, – и уставился в низко нависающий потолок.

– Я где? – хрипло спросил он.

– В избе, – как могла вежливо зарифмовала я. – Ваши друзья за дверью, решили ночевать на улице. Уже завтра вас отвезут в цивилизацию. Их позвать?

– Нет, погоди! – Он ухватил меня за руку, не позволяя подняться. – Расскажи, как я сюда попал. Помню, подпалили крыло, упал... очнулся уже тут.

– Крыло? – Я вытаращила глаза и на всякий случай оглядела раненого еще раз. Неужели все-таки лихорадка и бред? – Бок вам подпалило знатно, это да. Но заживает как на... быстро заживает, в общем. Скоро на ноги встанете.

Что-то мне подсказывало, что сравнение с собакой генерал не оценит.

– Драконье крыло, – пояснил сонно мужчина, едва удерживая глаза открытыми. – Надеюсь, смогу снова летать...

С этими словами он и отключился, но видно было, что заснул, а не потерял сознание. Постепенно приходит в норму.

Драконье крыло? Как интересно.

Единственная конструкция, подразумевавшая ожог одновременно крыла и бока, для меня выглядела как «всадник верхом на летающей рептилии попадает под огонь».

Интересно, дракон похож на птицу или птерозавра? Или может летучую мышь? Что там за физиология?

Только боюсь, что летать им вместе больше не придется. Нашла-то я только мужчину. Значит, дракон остался где-то там, на болоте. Скорее всего, из-за тяжести туши моменталь-

но утонул, попав в трясину.

Жаль тварюшку, конечно, но ничего не поделаешь. Нового заведет.

Погладив генерала по спутанным волосам, я укрыла его дополнительным одеялом и перебралась на кровать.

Люна не поймет, если я снова на полу в обнимку с мужиком прикорну. Все-таки нравы здесь другие, и вариант «согреваю» мою репутацию не спасет.

В дверь постучали ранним утром, с первыми воплями петуха. Думаю, пернатый как раз наших гостей и разбудил. Орет он знатно, мертвого поднимет. Даже раненый заворочался, шипя сквозь зубы. Я подхватилась с постели, придержала мужчину за плечи, чтобы себе не повредил, и поспешила открывать.

Оказалось, воины зря времени не теряли. Еще с ночи договорились со старостой о телеге, в которую впрягли моего (не моего, конечно, но я так привыкла к жеребчику, что искренне считала своим) Бурьяна. А до телеги предполагалось донести генерала на широкой доске, накрытой тканью.

Мы с Люной, переглянувшись, пожертвовали использованную простыню. Она плотная, прочная, на ней и подняли, и переложили, чтобы лишний раз не хватать и раны не тревожить.

Глухо брякнул увесистый мешочек, криво устраиваясь на нашем обеденном столе.

– Не нужно! – вскинулась я, хотя Люна исподтишка дер-

гала меня за рукав.

Мол, молчи, дурында! А меня гордость обуяла не ко времени. Деньги в этот момент отчего-то воспринимались то ли как взятка, то ли как милостыня.

– Мы от чистого сердца помогли. Любого так бы выхаживали.

– Думаю, генерал Эмберскейл не одобрит, что мы оставим его спасительниц без награды, – с легким поклоном и едва уловимой насмешкой в голосе заметил Блейзион.

Представляю, как это выглядит со стороны: деревенская ведьма, а туда же, благородную изображает!

Я сжала кулаки так, что ногти впились в ладони, и прикусила щеку изнутри, чтобы не ляпнуть лишнего. Наговорю сейчас, нас и казнить с Люной могут за неуважение к власти. Сиди тихо, Ася, не выживайся.

Двое дюжих воинов зашли в избушку, натоптав грязи, подняли генерала как пушинку вместе с доской и бережно и плавно понесли в деревню. Следом нас покинули и Блейзион с целителем.

Последний на мгновение задержался, поймал мой взгляд и одобрительно кивнул.

Меня внутри слегка отпустило.

Хоть кто-то меня понял. И, кажется, молчаливо пообещал позаботиться, чтобы мои старания не пропали даром.

Без лежащего поперек избушки пациента стало тихо и как-то пусто.

– Ну что, за уборку? – преувеличенно бодро предложила травница.

Я кивнула и потянулась за тряпкой.

Правильно.

Сделаем вид, что никаких залетных мужиков не было.

Жизнь в Потрясье потекла своим чередом. Какое-то время к нам зачастили кумушки, жаждавшие подробностей о спасении целого столичного генерала. Я отделялась общими фразами, и довольно скоро от нас разочарованно отстали.

Староста полгода спустя принес интересную весть, что некоего бывшего генерала Эмберскейла назначили временным правителем Шейдарра. Ведь королевский род уничтожен, как и большая часть аристократии. Править страной фактически некому. Вроде как драконы милостиво взяли нас под крыло, так сказать.

Мне вся эта ситуация не слишком нравилась, но меня, разумеется, никто не спрашивал. О своих подозрениях – что нападение организовано специально ради захвата власти – я не распространялась. Все так боготворили драконьих пришельцев, что скорее закидают меня камнями, чем поверят в мои логические выкладки.

А потом он вернулся, этот генерал-наместник Эмберскейл.

Еще и отряд королевских гвардейцев в парадной красно-белой униформе приволок.

Чавкая сапогами по весенней грязище, дюжина рослых

красавцев выстроилась поперек полянки у крыльца. Крайний чуть не свалился в топь, но вовремя выбрался, едва не лишившись обуви.

Мы с Люной подсматривали сквозь неплотно прикрытую кружевную занавеску и то и дело недоуменно переглядывались.

Для полного сюрреализма не хватало еще, чтобы ребята грянули какой-нибудь бодрый марш, или, наоборот, романтическую балладу.

– Чегой-то они? – выразила мою мысль вслух травница.

Я пожалала плечами, наблюдая как бывший пациент, вполне бодро и небрежно, поднимается по ступенькам.

– Верни моего дракона, ведьма! – заорал генерал за дверью дурным голосом.

Я аж подпрыгнула.

Этого я и боялась. Сейчас начнется разборка – почему бросила зверюшку погибать? Поди объясни, что я ее в глаза не видела! И сопровождающим про нее тоже слова не сказала, а то еще два года назад огребла бы по полной программе за небрежное отношение к генеральскому транспорту.

Но все равно карма меня догнала.

Вот лучше бы я его тогда на болотах оставила, честное слово!

И ведь не отмахаться. Пусть меня в деревне называют ведьмой, сил у меня никаких нет. Ни магических, ни моральных уже не осталось. Достали!

– Не брала я вашего дракона, не брала! – рывкнула, распахивая рывком дверь и появляясь на пороге с метлой в руках.

Судя по тому как отшатнулись элитные воины королевской гвардии, они решили, что это особо опасное новейшее оружие.

Тот, кому я уперлась носом в грудь, даже не дрогнул. Но тон сбавил.

– Знаю, что не брала, – подозрительно ласково заверил меня он. – Но сможешь вернуть.

– Послушайте, я не разбираюсь в зверушках, я целитель людей, понимаете? – вздохнув, попыталась я объяснить очевидное. – Я бы никак его не спасла, даже если бы нашла вас раньше.

Неровные ряды стражников отчего-то ахнули.

Мужчина передо мной криво усмехнулся.

– Ничего, научишься! – отрезал он, разворачиваясь и спускаясь с двух поскрипывающих кривоватых ступенек. – Я в тебя верю. Собирайся, даю тебе полчаса.

– Издеваетесь? – взвыла я и от полноты чувств стукнула черенком метлы в пол.

Гвардия браво схватилась за оружие.

– Вольно! – не глядя бросил в их сторону тот, кого я в свое время недалековидно исцелила. И добавил уже мне: – Время пошло!

– Да чтоб вас всех!.. – буркнула я, но тихо, себе под нос.

За ругательства в адрес королевского наместника все-та-

ки и люлей отхватить можно. А я простая деревенская ведьма, меня спасти никто не будет.

Что же делать-то, мамочки!

– Собирайся, милая, – ответила на мой невысказанный вопрос Люна, успокаивающе погладив по дрожащей от переживаний руке.

– Ты не понимаешь! – всхлипнула я и лихорадочно зачистила: – Я его когда в трясине нашла, никаких драконов там не было! Откуда мне знать, куда он делся? Не могу я его вернуть, понимаешь? Особенно если он утоп!

Люна вытаращилась, словно я сморозила полнейшую глупость.

– Ты что же, не слышала что староста говорил? – понизив голос, спросила она. – Что генерала назначили наместником как раз потому, что он дракона потерял, и оттого среди своих, ну... уважением не пользуется больше. Да и ход обратно в Соларион ему заказан. Не примут его там.

– Из-за того что питомец сдох? – изумилась я.

С Кайюсом последние года два старательно не пересекалась. А все потому, что его старший сын с какой-то стати положил на меня глаз. Если бы не репутация злобной ведьмы, и насильничать бы попытался, а так зыркал издалека и делал завуалированные пошлые намеки. Напрямую ничего не предъявить, но мерзко.

Так что в деревне я старалась не появляться.

А значит, новости пропускала. И какие!

Люна конечно пересказывала в меру своего понимания, но упор она делала на местные, локальные сплетни. Кто на кого посмотрел и кого приворожить норовит.

– Что еще за питомец? Ипостась он потерял. Наместник Эмберскейл и есть дракон! – выдала травница и уставилась на меня, как на умалишенную.

Я ответила ей тем же.

– Он? – на всякий случай глянула в окно, проверяя. – Он мужик. Красивый, породистый. Но мужик. Две ноги, две руки. Крыльев нет.

«Драконье крыло» всплыла неожиданно сказанная генералом в полубреду фраза.

То есть он имел в виду свое крыло, что ли? Его обожгло в полете, он превратился в человека, рана перекочевала на бок... отсюда и нечеловеческая скорость регенерации!

Где это видано, чтобы люди с такими повреждениями выживали вообще!

В голове рушился и выстраивался заново целый мир. Тут не только магия есть, тут еще и вторые ипостаси, драконы, а у них – самые настоящие крылья!

Словно почуяв, что я на него смотрю, бывший генерал повернул голову и встретился со мной взглядом.

Я вздрогнула и отвернулась.

Похоже, придется ехать.

Мы ответственны за тех, кого излечили.

Глава 9

Покидать насиженное, обжитое место не хотелось категорически.

Любая деревенская девушка была бы просто счастлива, позови ее генерал в столицу. Новые знакомства, наряды, на которые наверняка не поскупится благодарный мужчина... дракон... для спасительницы. Возможно, драгоценности.

А то и в постель позовет. Судя по настроениям кумушек, они бы побежали, теряя юбки.

Мне же то ли в силу возраста, то ли из страха перемен вообще никуда ехать не хотелось. Тем более в столицу.

Тем более с генералом.

А уж пускать его в постель и подавно никакого желания.

Нет, он мужик видный, привлекательный, харизмой ша-рашит налево-направо, только я не хочу быть одной из жертв обаяния в многочисленных штабелях.

И нарядов не хочу. И драгоценно

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.